

Галина
БУЛАТОВА

*Сильнее
меня*

Стихотворения, поэтические переводы

Казань
Татарское книжное издательство
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
Б90

Булатова, Г. И.

Б90 Сильнее меня : стихотворения, поэтические переводы / Галина Булатова. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2017. — 334 с. ISBN 978-5-298-03303-9

Поэзия Галины Булатовой, образная и мелодичная, рождена просветлённым мировосприятием и ощущением цельного, неразрывного потока времени и судеб. В её стихах звучат голоса нескольких поколений, сливаясь в неторопливую реку жизни, а лирическое пространство заселено столь густо, что сердцу в нём становится тесно, а дышится легко.

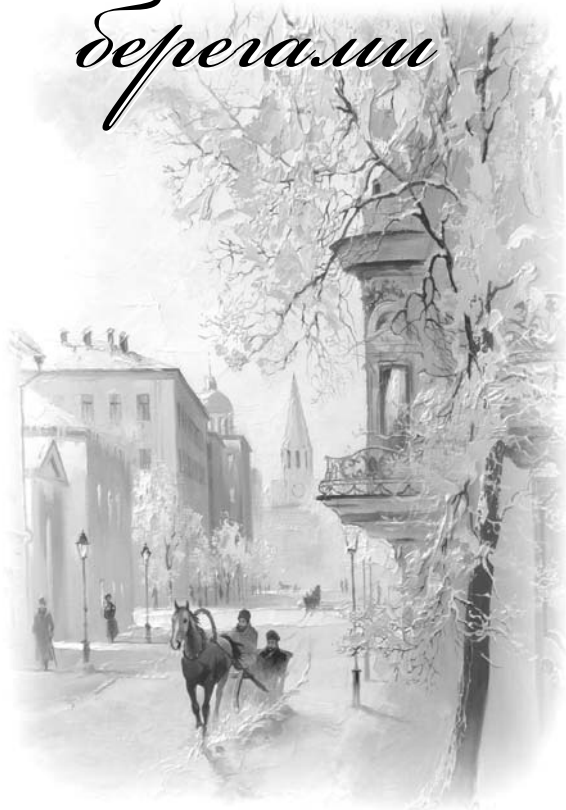
Значительную часть книги занимают поэтические переводы с татарского (Рамазан Байтимеров, Эльс Гаделев, Наби Даули, Фирдус Девбаш, Фатых Карим, Лябиб Лерон, Туфан Миннуллин, Рузаль Мухаметшин, Гарай Рахим, Хасан Туфан, Ленар Шаех).

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5

ISBN 978-5-298-03303-9

© Татарское книжное издательство, 2017
© Булатова Г. И., 2017

*Между
этими
берегами*

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА...

Волга, Вятка, Ока и Кама — вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приготовясь к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку — мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёг. —
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
Вслед за мамою ехал Грека *через реку, а в реке рак,*
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, —

Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких — всех впадающих в Каму рек.

«Ты — река! И теперь ты — Кама!» — крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги —
Многоточия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, — и шепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

НЕБУШКО

Встречай скиталицу, вокзал,
Под шёпот неба неустанный!
Тысячелетняя Казань,
Ты помнишь дух прабабки Анны?

На старой карточке — она
И прадед — Голышев Василий.
Ах, жаль — другие имена
В том прошлом улицы носили.

Я Рыбнорядскую ищу,
Где чинно шли под ручку двое,
О старом времени грущу
С Адмиралтейской слободой.

А неизменный небосвод
Всё приближает перспективы —
И фото «Хлѣбниковъ» живѣт
И сохраняет негативы.

Смогу ли я пройти пути —
Мучительные, родовые,
Где дробью перелётных птиц
Пронзает небушко навывлет?..

ДОРОГА В КАЗАНЬ

Дорога тянется туда,
Где хлыст могучих камских вод
У берегов своих пасёт
Холмов зелёные стада;
Где за рекою косогор —
Приволье ёлок и берёз,
И завораживает взор
Тысячелистник в полный рост;

Где в казане меж гор кипят
Закаты с привкусом надежд,
И невозможный взят рубеж
До неизбежного тебя;
И где, предвосхищая вздох
Восторга с грустью пополам,
Гуляют месяц со звездой
По бирюзовым куполам.

* * *

На шаги и скамейки дорогу дробя,
приручаю её понемногу.
За какими из окон ты прячешь себя,
подневольный казённого срока?

Всё теснее июльского дня поясок,
всё длиннее прогулка по саду.
За стеклянными сферами сылет песок,
оседая на долгих фасадах.

Бесприютное время, начало начал,
ты меня ожиданьем согрело.
Под закатным лучом вызревает печаль,
а рябина ещё не созрела.

Только Чёрного озера строгий квадрат,
небеса расплескав удивлённо,
обещает нам первый пригубленный взгляд
непреренно под Аркой влюблённых...

И СОРОК СТУПЕНЕК ТУДА...

Прощайте, — развеяв тоску, уйду налегке —
И вы, архитекторов монументальные дива,
И памятник Фуксу с секретом, зажатый в руке,
И дикость аллеи с причудливым, к речке, извивом.

И мир на зеркальной ладони — не он ли Эдем? —
Когда замирает дыхание от панорамы,
И мост, огласивший Милленциум буквою «М»,
В ворота которой въезжают, как в пагоду рая.

И сорок ступенек туда, на небесный этаж,
Где каменный пояс Кремля укрывает блаженных,
И в явь обращённая ветхая лавочка та,
Где розы на белом сплетались с гавайским сюжетом.

И выскочит сердце, раздвинув пределы меня,
Синицей вдогонку отчаянно что-то протенькав.
Быть может, в подъезде зашагнув из июльского дня,
Ты пёрышко птичье найдёшь на последней ступеньке...

* * *

Мелькнула фигурка в зелёном, махнула рукой,
И ясный октябрь украл материнский покой.
Прощалась — с улыбкой, а после пришло, ослепя.
Уехала... Разве уедешь от них, от себя?

А пики летящих решёток кололи под вздох.
О, неотвратимость автобусов и поездов,
Где мы, раздираемы криком рубежной версты,
Всех встречных погостов — в себя собираем кресты.

Сбегали берёзы с пригорка — автобусу вслед
И сыпали золото мне на обратный билет,
И скорость убавить просили значки у дорог,
И сердце сигнало громко, что боль — не порок.

«Наверное, — выдохнул, — дом теперь будет пустой...»
Мелькнула фигурка в зелёном — о время, постой!
Рябиновой кровью осеннее пишут эссе,
Но серым бинтом промакнёт твою рану шоссе.

СИРЕНЕВЫЙ СНЕГ

Восемь вечера, праздник окончен
По часам на штурвал-колесе —
Под казанской нахлынувшей ночью
К берегам отправляются все.

И плыву я усталой креветкой
В океане сверкающих мекк.
На мосту с голубою подсветкой —
Настоящий сиреневый снег!

Вспоминаю, на таинство глядя,
Не туманы в волшебных лесах,
А сирени в родном палисаде
И фиалки у дочки в глазах.

А у сына глаза с бирюзинкой
Озорной черноморской волны, —
Мне одну за одною картинку
Освещает фонарик луны.

Там и там собираю по горстке
Огоньки в драгоценный узор,
И на каждом моём перекрёстке —
Бирюзовый маяк-светофор.

* * *

Алисе

В чайном доме отведав чая,
Погрузиться в суть пальтеца.
Растревожит Казань ночная
Золотым ободком «Кольца»:
Всё пройдёт. А одно бессрочно.
Прошивают двойною строчкой
Каблуки за верстой версту.
Люди ходят по белу свету,
Ищут памятники с секретом,
Ловят улицы на мосту.
И с частицей себя прощаясь,
Разбивают часы на счастье...

МАРТ

Где ветка касается робко
Горячей щеки фонаря,
Вела меня быстрая тропка
От прожитого февраля.

И были дома у обочин
В вечернем прищуре слепы,
Но даже в преддверии ночи
Я видела марта следы.

Резные балкончики зданий
И дерево в истинный рост
Взлетали уже над Казанью
Под звоны оттаявших звёзд.

И эти, и те, и другие —
Весь город вставал на крыло, —
В какие края дорогие,
Куда эту стаю несло?

Летели куда переулки
Над городом светлым моим?
Тянулся за ними, как руки,
Котельных серебряный дым.

ШМЕЛЬ

Мы вышли в путь. Маячил целью
Базар казанский вдалеке.
В дверях — червонец на похмелье
Искал сосед в моей руке.

А день был трезв на удивленье,
И лёгок в новых туфлях шаг.
Зелёный луч, берёзы пленник,
Ветвей развязывал кушак,

Потом за бабочкою крался.
Субботный день просил жары.
Вдали Казанью любовался
Бирюзоокий Кул Шариф.

Мы шли вдвоём. И было любо
Шагать по перекрёсткам дня.
Тюльпаны силились на клумбах
Головки жёлтые поднять.

Кабан, давно забывший льдины,
Блестел в многоверстовый рост.
Тянулся шеей лебединой
За нами Лебедевский мост.

Зелёной майской позолотой,
Безбожный, был прощён апрель...
И робко пробовал полёты
Огромный полосатый шмель.

КАЗАНЬ МАЙСКАЯ

День — конверт, что ни облик, то марка:
Вековая на выходе арка —
Чуть надорван её уголок.

В красных, розовых, жёлтых тюбанах
Вдоль дороги гуляют тюльпаны,
И тюльпаном цветут купола.

У асфальта — душа нараспашку,
А жилетов оранжевых рать
Не устанет лопатой махать.

На горе, за кирпичной стеною,
Жмурит звёздоблюстилице глаз:
Не вместить столько солнца за раз.

Рокот, музыка, плеск, свиристенье,
Громыхание, мимика, пенье, —
Май на многих звучит языках.

Звуки слышатся дольше и дальше.
От апреля едва отдышавшись,
Надышаться не можем на май.

ЖУРАВЛИК

Сыну

Прощаться и помнить
июльские полдни,
фонтаны и парки — вода не разлей.
Медали плясали
на кончике сабли,
их абрис в ночи рисовал Дю-Солей.

В дыханье, в касанье,
из центра Казани
мы в путь выходили, чтоб мир обойти.
Упругой походкой
мы брали высоты,
а граффити улиц ловил объектив.

И свет бирюзовый,
и день предгрозовый,
идуший по роше, как мы, налегке...
И пели литавры,
и барсы летали,
и всё отражалось в Казанке-реке.

О, если бы только
прерывисто, тонко
бумажное время озвучила медь...
Над городом ранним
нелепый журавлик
пытался вослед за тобой улететь.

ЛЯДСКОЙ САД

Где мелькают солнца спицы,
спят в скворечнике ветра, —
там в трёх соснах заблудиться
замечательно с утра.

Там Пегасы в поле зренья
и в траве полно подков,
там отыщешь у сирени
пять заветных лепестков.

Цыкнет день на птичий гомон.
На примете у тропы —
от следов забавных гномов
до державинской стопы.

Но настойчиво кручина
хлынет, давностью дыша:
где вы, девушка с кувшином
и фонтана славный шар?

Не простившись, съехал Горький,
не на дне ли затужил?
Только ёлочки на взгорке
вышивают ностальжи.

И когда душистый полдень
развернётся на покой,
вдруг притихнет, что-то вспомнив,
сад Лядской.

РАИФА

Условным тяготясь, без времени бродить
Вкруг храмов, их снаружи постигая,
С открытой головой, без шарфа на груди,
Там радость не смиренная — другая.
Там кроме, что в тебе, других запретов нет —
В душе вместить или заснять на фото —
Не камень из голгофы, а камушек извне,
Не преподобных, а других, за входом.

И там, на берегу, лягушка и бобёр,
И с ними кот открываются пришельцам,
Доверчиво молча; а кто вперёд забрёл,
Раифского ногой касаясь шельфа,
И лодку отцепив от мощного ствола,
Людскую суету на берег бросил, —
Как скульптор, высекал прозрачные слова
Размеренным размахиваньем вёсел...

И отражала гладь монашеское лицо,
Рождались купола из красной пены.
Рубите же, слова, о дне Святых Отиов,
В Синае и Раифе избиенных,
О варварстве людей и совести времён,
О колоколе, храмовой святыне:
Со звонницы упав, он, вживе погребён,
В пятьсот пудов стенает и поныне.

И будь Софийский храм, будь Троицкий собор,
Грузинской Божьей Матери будь церковь,
Будь стены и врата, будь самый дальний двор, —
Во всяком камне оживает сердце.
Услышав звон ли, стон, как странно заболеть
Обителю Святого Филарета.
...А озеру блестеть, и церковкам белеть
На взлёте вёсел в середине лета.

ХРАМ ВСЕХ РЕЛИГИЙ

Ильдару Ханову

В пригороде Казани,
Старом Аракчино,
То, что перед глазами,
Чудом наречено:
Десять обычных соток
Выстраданной земли
Не куражом высоток —
Храмами проросли!

Где безмятежный Будда
Правит цветок-ковчег,
Льёт византийский купол
Золото на мечеть.
Из тесноты ущелий
К дали, что так светла,
Вместе идут священник,
Лама, раввин, мулла...

— Кто проявил участие?
— Много их, целый свет.
— А помогают власти?
— Да не мешают, нет.
— А не поймут, разрушат? —
Дрогнет легонько бровь:
— Выше тогда и лучше
люди построят вновь.

В ПАРКЕ «ЧЁРНОЕ ОЗЕРО»

В чёрном провале окна обнаружен фонарь,
Значит, пора мне со сцены домой возвращаться,
На перекрёстке вдогонку смеются паяцы,
Их не услышит мой маленький скорбный звонарь.

Дёргает вервии — нету покоя в пути.
Так, содрогаясь всем телом от звонов тревожных,
В белую арку войти и, себя подытожа,
Замкнутый круг расставанья опять обойти.

Чёрному озеру веря, луна проплыла.
Сколько счастливых ещё отражений осталось?
Мне бы дожить до зимы, это самая малость —
Белым-пребелым закроют его зеркала.

О, неурочные выдохи в мёртвой ночи!
Плески на озере, что вы сегодня солжётё?
На деревянную лавочку падает жёлудь...
Звякают в сумочке белой от дома ключи...

Милые руки — не надо другого кольца —
Только бы в вашем одном навсегда оказаться,
Звёздную книгу читать от письмён на форзаце
И до конца, до конца...

И ЛЁГКОЙ ПОСТУПЬЮ МЕЖ НАМИ...

Мой поводырь, мой страж вечерний,
На всё про всё благослови!
Ты подавал мне, виночерпий,
Равно безумства и любви.

Но кто, уступка за уступкой,
Ведёт, беспечен и нелеп,
От опрокинутого кубка
До опрокинутых судеб?

Бегут, смеются, умирают,
Чертимы стрелками, круги.
Кто в круге новом отмеряет
Мои шаги, твои шаги?

Кто наблюдает шаг за шагом
Колёс вращательный рефлекс
И то, как зверь походкой шаткой,
Кровавая след, уходит в лес?

Над Камой белые туманы,
Печаль вмерзает в берега.
И лёгкой поступью меж нами
Идут снега, идут снега...

ДЫШУ КАЗАНЬЮ

Дышу Казанью, дышу по-русски,
дивлюсь одеждам и языкам,
одолевая подъёмы-спуски,
иду — заветный ищу сезам.

Иду доверчиво мимо кассы —
коплю удачу по мере сил.
Перебежала Булак на красный,
а полицейский меня простил.

Дорожек каменная мозаика,
ворот и крыш вековая скань, —
моя таинственная хозяйка,
моя возвышенная Казань.

Коснусь чугунного парапета
на Лобачевского — вот и дом:
здесь бьётся сердце того поэта,
который в сердце живёт моём.

Закатной охрой крыльцо облито...
Уж не от этого ли столба
берут начало твоя планида,
счастливыи крест и моя судьба?

КАЗАНЬ – ТОЛЪЯТТИ

(Акростих, сочинённый по дороге на фестиваль поэзии)

Кремль, Казанка и старая дамба поэта...

Алый камень церквей и

Зелёные сны минарета.

Арка любящих,

Небо для всех, вековое крыльцо,

Б — мягкий знак, половину себя заключивший в кольцо.

Т — графический стержень дороги, упирающийся в горизонт,

О — октябрьское солнце и зонт,

Л — столбов долговязые ноги.

Б — мягкий знак придорожный, и он — разрешает обгон.

Я и

Ты.

Толкованье стихами себя. Если смог домолчаться.

Иногда — получается.

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН*

В Жигулёвских горах атаманят ветра,
А лесную тропу сторожит мошकारа.

Но ведут на вершину чабрец и полынь —
И в глаза не вмещается волжская синь.

О, пристанище-вольница буйным богам!
Дай примерить твой шлем, Молодецкий курган!

Эту гордую реку ты выгнул дугой,
Эти камни под Стенькиной были ногой.

Эти русские волны, послушно дружны,
По-персидски расшили накидку княжны...

Там, где Волге в подмогу впадает Уса,
Поднимают утёсы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке
О великой реке, о Самарской Луке.

Только Девья гора не поднимет лица —
Уронила чело на плечо Молодца.

И впечатаетшь в память гряды за грядой,
И Лепёшку запьёшь родниковой водой.

И, не вытерев капель с горячей губы,
Обернёшься на зов Жигулёвской Трубы**.

* Молодецкий курган, Девья гора, Лепёшка — названия гор в Жигулях.

** Жигулёвская Труба — залив и одноимённый овраг.

СЫЗРАНЬ

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнава...
Деревянное кружево крыш...
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь —

Человечишко перед вершинами —
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где былое, как вина, хранят.

Сызрань — сызнава... Бросит украдкой
В Крымзу солнце — сверкают круги —
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречье, как пальцы руки.

Сызрань — сыздавна, сызмала, сызнава
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызняя,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами дерева
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

* * *

Мне снилось: над степью и Волгой
Горящий летел самолёт,
И падал горячий осколок
Туда, где купался народ.
Глаза у забывшего шалость
Сынишки тревогой полны,
И девочка с криком бежала
Ко мне от бурлящей волны.
Последние вспыхнули кадры
Пожара над степью — и мгла...
Я сон позабыла назавтра.
Беда не забыла — пришла.

Садится остывшее солнце,
Чернеющий день моросит,
И мне, может быть, остаётся
У неба прощенья просить —
За сон, что беду напророчил,
За грубо оборванный путь.
Знобит, и наброшен платочек
Концами крест-накрест на грудь.
Преследует запах полынный
И девочкин профиль в дыму.
И мальчик, похожий на сына,
Растерянно смотрит во тьму.

УЛИЦА КОМЗИНА В ТОЛЬЯТТИ

В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефти,
Иван Васильевич Комзин
Увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне —
Масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон,
Но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон
Пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
Красавец стати двухметровой —
От восхищенья Катя и Зин
Светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин
Громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим
Дались ему совсем непросто.
Великий кормчий вёл вперёд,
Не ослабляя португезу:
«Имей в виду, что Запад ждёт
Провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена
И строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина
Рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
Ему служили все законы,
И генеральские погоны
Честней не выдывали плеч.

В науке строить нет чудес,
Она *умеет много гитик...*
Гудят турбины Волжской ГЭС,
Ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь,
Но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь
Награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны
Стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены,
Считай, полсотни строек века.
Закон суров — оправдан риск:
Не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск
Будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб
В предвосхищении успеха,
И не случилось без него б
Тольяттинского политеха.
Труду учение — не вздор,
А суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо
Для инженерного потомства.
Провидец, сеятель добра,
Ведь дотянулись эти руки
До биостанции — ядра
Экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
Как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любишев читал,
И здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин,
Летящих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин
О чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём,
Когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём
Неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел,
Когда, показывая норы,
Он над собою не терпел
Партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
Переволокская мечта...

НА ТРИСТА ДЕСЯТОМ – В ЗЕЛЁНУЮ ЗОНУ...

На триста десятом — в Зелёную зону,
Где бродят стадами дубы, как бизоны,
И где от рождения сосны-сестрицы
По русским шелкам вышивать мастерицы,
Где тычется мордочкой рыжий осинник
В лазурное блюдо с каёмочкой синей
И, глядя за Волгу на многие тыщи,
Всегда на коне неуёмный Татищев.

Не здесь ли, в скрижалях зелёного шара,
За землю сшибались до неба пожары?
И ахали сосны, хватаясь за выи,
И с рёвом валились дубы вековые,
И, тщетно спасаясь от лапщ пожара,
Босые берёзы бежали, бежали...

На триста десятом — в Зелёную зону...
Печальнее не было в жизни сезона:
Считайте — сухие шевелятся губы —
Кресты из сосны и надгробья из дуба.
Но их, вековые следы пепелища,
Не видит смотрящий за Волгу Татищев.
О, если бы, если б татищевский бог
Тогда обернулся — и нас уберёг...

АВТОГРАД

Небо опять зашторили
Жалюзи этажей.
Нет у тебя истории
Посвежей.

В первых фариовых джинсиках
Выйди ко мне, весна.
Как ты живёшь, Дзержинского,
Старина?

Как вы теперь, ничейные,
Кто приголубит вас,
Улица Юбилейная,
Рыбий глаз?

Где ставропольским отрокам
Нынче встречать Зарю?
Топать ли по Приморскому
К Волгарю?

Памяти здесь — до жжения.
Разве забыться сном?
Вымолить утешение
На Цветном?

Сколько уж, сколько молится,
Чтобы не потерять.
Только Сатурну кольцами
Не играть.

Вечное или женское? —
Душу сожгут дотла
Спасо-Преображенские
Купола.

ТАБЛИЧКИ СИНИЕ ПРИЧУДЛИВО МЕШАЯ

Где майский Бор полощет даль
За Красной Горкой,
Дают младенчеству медаль
За город Горький.

Качает ласково у Лыскова водица,
Чтоб до Макарьева дойти и воротиться.
А там зефиры куполов — тебе гостинец.
Кто воротился, назовётся Воротынец.

Идёт родимое, да вспять,
Оброк взимает,
Ершистый Сундовик опять
Мосты ломает.

По бездорожью, по песку до Сельской Мазы
Возили зилы и чумазые уазы.
Но был так светел уголок и ласков слишком,
Что назывался он не Яром, а Яришком.

Опять зовут к себе пожить
Валки, где волки,
И шустро Керженец бежит
До самой Волги.

Ступая в след, созвучно папиной походке,
Ищу не отдыха себе — ищу Работки.
И вот когда земля в ногах задышит чаще,
Внезапно Выползово выползет из чащи.

Я здесь, живая, во плоти,
Промолвлю тихо:
Хотя б пушинкой прилети,
Перелетиха!

Таблички синие причудливо мешая,
Со мной в лото играет девочка смешная
С далёкой улицы того, кто всех живее, —
Она жила когда-то здесь и не жалеет.

ЕЛАБУГА

*Рахиму Гайсину,
Эдуарду Уچارову,
Евгению Морозову*

1

В Елабуге сердце ищет
Сокровища древних лет...
Над Чёртовым городищем
Звезда прочертила след.
Безжалостный день вчерашний
Под корень кроши́т века,
Но крепкою пломбой башня
Стоит на горе пока.
А всадник на лобном месте
Поводья зажал в горсти.
Над Камою полумесяц
Подковой в ночи блеснит.

2

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет.
Отцовыми именами
Сроднились навек с тобой.
Позволишь ли между нами
Тебя называть сестрой?..

Елабуга, муза марта,
Пролеска грядущих дней,
Высокая песня барда
Летит из груди твоей
За дверь университета
И выше кирпичных стен —
Туда, где кричат поэты
На вымученном листе,
Где Шишкин кистями сосен
Расписывает пейзаж...
Елабуга, сколько вёсен
Возьмёшь ты на карандаш?..

ПЕСНИ МАРИЙСКИХ ОЗЁР

Валере Орлову

1

У мари́йского бога
Рубашка — атлас,
Бирюзовое око —
Морской глаз.

Порассыпал на радость
Песен в траве,
А ещё и осталось
В рукаве.

2

Собирайте по склонам,
В междуречье корней,
В тростниках на Зелёном —
Там верней.

На глубинах ищите,
Где мерещится сом.
День, как будто песчинка,
Невесом.

3

Тянут с облаком невод,
Бьётся солнце поверх.
— Как зовут тебя, небо?
— Кичиер.

4

Погружѐнное в грѣзы
Мушаньерское дно.
Из кубышек стрекозы
Пьют вино.

5

От поющего камня
Поверни на восход,
Отворяя стихами
Восемь нот.

Выйдешь к старому дубу
И прижмѣшься плечом.
Рядом — думает думу
Пугачѣв.

Други — ёлки да палки,
А дозор — комарьѣ.
Лешаки да русалки —
Всѣ зверьѣ.

Выгнет спину, как кошка,
Ощетинится лист:
Путник, путник, немножко
Задержись!

Вскрикнет сзади идущий,
Разыграется нерв.
Зыркнет оком из пуши
Конан-Ер.

ЙОШКАР-ОЛА

Шатры йошкар-олинских площадей,
Скользких за бортами у ладей,
Качает венценосная Кокшага.
О, здесь такая плотность красоты,
Что сделать от креста и до звезды
Нельзя без удивления ни шага.

Взойди на полукружия мостов:
Фламандии повсюду слышен зов.
И красный город — в каждом сердце мара.
Забудь о вечном, помни о тщете.
А белый лось в лазоревом щите
Несёт золоторогую тиару.

Жива царь-пушка сытостью ядра,
А Пушкин — царским росчерком пера, —
Бери всё царство, скромный описатель!
Смотри на мир с курантовых высот,
Где ослик Богородицу везёт
И, может, не одну её спасает.

И всё же кто вы, жертвенный народ? —
Чавайн устами вашими поёт,
Потомки первобытных землекопов,
Хранящие в застенчивой крови
Священный свет природы и любви,
Последние язычники Европы.

НЕЖНОМУ НИЖНЕМУ – ИЗ КАЗАНИ

Скоро зима. Я давно безнадежнейший мистик:
Всё превратится в золу и рассыплется в прах.
Снег с аппетитом глотаем зелёные листья —
Те, что ещё не успели увянуть в садах.

Но ведь и я ничего рассказать не успела —
Осень в своей кочегарке поэзы сожгла...
Жёлтый, зелёный и красный венчаются белым,
Господи, как же корона твоя тяжела.

Пухнет земля, прирастая опавшей печалью —
Плотью и кровью кленовой, костями ветвей.
Всё породнится с подземною речкой Почайной
И обернётся ночью Покровкой твоей.

Мир, златоустым и трепетным некогда слывший,
Сжался сегодня до вороха жалких листов...
Колокол нашей Варваринской будто бы слышал
Нижегородской Варварской потерянный вздох...

ПРИБАЛТИКА

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперёд состав весёлый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва —
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни —
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слёзы...

Но нас ждала Прибалтика — кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,
как узких улочек готический мотив.
И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моём сознании, подобно
трём стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на скульптуры,
царящих в тёмных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлениса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зелёное, слоистое, чудное...

Другой музей — название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летящие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) —
и Домский ригорический собор,
где я орган услышала впервые,
держась за восхищённые колонны...

...И узких улочек готический мотив...

Ветрами просолённая Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук её...

Балтийский берег Куршского залива —
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря —
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках
чудесный прибалтийский трикотаж
и посвящённых после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был ещё и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,
непогрешимодвигающий в лузы
тяжёлый шар, сияющий, как солнце
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы — уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе...

Чаши
железургических
мун

ДЕКАБРЬСКИЙ БЛЮЗ

Придека́брился город
В огневое манто.
Брошен холода ворох —
Я вдыхаю ментол.

Новогодняя ёлка —
Золотые шары —
Высоко-одинок
Под фатой мишуры.

Индевелые пальцы
Греет лампочек шарф.
Лица улиц в румяние
Фейерверков и фар.

В белоснежных ливреях
Разъезжаются сны.
Объянварится время
В циферблате луны.

МИМОЗНОЕ

Мартовский полдень сдвигает застывшие стрелки
На циферблате серебряных божьих часов —
Время сугробам не в прятки играть, а в горелки,
Время раскладывать соло на хор голосов.

Скоро ручки молодые не сдержат эмоций,
Город заменит прыжками размеренный шаг.
Воздух насыщен мимозой, не дышится — пьётся!
Всюду мимозы, и солнце — мимозовый шар!

Ветер всё дразнит торговков, а им не до жалоб:
Сыплют рубли за бубенчики звонких мимоз...
Чудилось: счастье моё меж рядов пробежало,
Или же мимо меня его кто-то пронёс.

ПАРИЖАНКА

Пальцы в тучи апрель окунал
И бросал с высоты жемчуга.
В приоткрытую створку окна
Холод лентой скользил по ногам.

Завернувшись в сиреневый плед,
Обняла поэтический том:
«Погадай мне, месье, сильвупле,
Что сейчас и что будет потом.

Отчего так далёк Фонтенбло?
Отчего всё расплывчато так?»
Призадумались Бродский и Блок,
Покачал головой Пастернак:

«Вероятно, придуман Париж
И кончается он за углом...»
Но пытается робко парить
Мой Париж с перебитым крылом.

Ветер в комнате веял, крепчал.
Изнывали в изгибе уста.
У окна — парижанка-печаль,
За окном — жемчуга, высота...

FANTASIA ЧИСТОЙ ВОДЫ

...кружение столиц, струение садов,
лиловый свиток волн, когтящий свет...

...но та последняя святая ночь
не позабудет рыбу в смертных ранах
рубиновых крючков...

Хосе Лесама Лима
(В переводе Бориса Дубина)

Скользящей рыбою, зеленоглазым грезя,
Хочу почувствовать незримое в разрезе.
Где всякий слой играет цветом в зыбком лоне,
Живописует Дебюсси, звучит Чюрлёнис.

Зеленоглазое идёт неумолимо,
Волной накроет он — Хосе Лесама Лима.
Летят и кружатся в серебряном потоке
В прожилках листьев зашифрованные строки.

На их рубиновый крючок попалась рыба,
Звенят чешуйки в колокольчиках порыва.
Зачтя фантазии под тысячу попыток,
Прочесть сумею ли волны лиловый свиток?

СИНЯЯ ПТИЦА

Если мысли, творящие страсти, всеильны,
Если перьями птицы диковинной синей
Украшается образ твой снова и снова,

Почему же мечта в сиюдневность стремится,
Почему изловить ты пытаешься птицу,
Королевскую птицу семейства дроздовых?

Оттого ли так сильно её притяженье,
Что на солнце блестит по краям оперенье
И индигово манит, как всякое пламя?

Оттого ль, что пером синекрылого счастья
Так легко написать на щеке, на запястье
И потом же прочесть эту фразу губами?

* * *

Упало пёрышко в траву,
Слеза упала на тропу.

Живу, зажав себя в горсти,
С моей печалью нету сладу.
Но где-то слева шелестит
Тобой подаренный Довлатов.

ВСЕ АВТОБУСЫ – БРАТЬЯ

Все автобусы — братья:
неразрывные узы дорог.
Зыбче зыбкого ради
я опять оставляю порог.
И с киванием мудрым
под сурдинку усталых рессор
с октябрём рыжекудрым
мой автобус ведёт разговор.

Вот, казалось бы, довод,
что поблизости, может быть, ждут,
только, как заколдован,
повторяется старый маршрут.
Под прикрытием неба,
и под локоть ведут деревья,
фонари будто слепы,
растопляется в ноги трава.

Мой ненастный, цветастый,
обучён волхованью ресниц,
обещает всё царство
милый нищий, и всё-таки принц.
Ибо горы и доли —
самый подлинный вид из окна,
ибо всё-таки долог
путь до счастья во все времена.

Влажной ночью зажжённый,
этот красно-зелёный восторг,
словно флаг, отражённый
в зазеркалье умытых дорог.
Бег серебряных капель
не удержишь на чёрном стекле.
Я уже умолкаю,
по знакомой ступая земле.

ГАЛКА

Здесь, за метровой кирпичной стеною
Бывшего дома дворян,
Многое кресло хранит раскидное,
Сетуя снятым дверям.

Шкаф неприкаянный обликом странен,
Стулья иссохли (по ком?).
Кто из них временем более ранен,
Спорят полы с потолком.

Милое — близко, отрадно — простое:
Здесь — средоточье тебя.
Силы хватило сорваться с гнездовья,
Ждать бы хватило чутья.

С башенки каменной на нелегалку
Искося смотрит Аллах:
Что тебе нужно, залётная галка,
Чудо на птичьих правах?

ТАНЦЕВАЛИ РУМБУ РАКУШКИ

В доме неуклюжем, старинном,
Умиротворённо-радушном,
В розовой волне стеарина
Танцевали румбу ракушки.

Оживали тёплые страны,
И казалась роскошью ветошь —
Так сиял свечной шестигранник
Изнутри божественным светом.

В тёмно-синем кресле напротив,
Волосы взъерошив рукою,
Самый замечательный профиль
Думал над бессмертной строкою.

Всякую условность отринув,
Проплывали райские куши.
В розовой волне стеарина
Танцевали румбу ракушки.

У ПОЛДНЕВНОЙ РЕКИ

У полдневной реки,
На твоём побережье,
Вдохновляться зелёными рыбами глаз,
И волны кружевами расшитый атлас
Выпускать из руки,
Сотворяя мережку...

И семь звёзд из ковша
Проливать без остатка,
Выжидать от ростка до цветения роз
(Философия розы — занятный вопрос) —
А тобою дышать
Удивительно сладко.

Если всё это Бог
Потеряет из вида,
Или взвешивать станет, над бездной держа, —
Ничего не останется — только дышать:
Вдохновение — вдох,
А поэзия — выдох.

КАК Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ?

(Перевод с английского)

Как я люблю? Ответ давно готов:
Любви моей нет выше, глубже, шире,
Так свет и звук, плывущие в эфире,
Не знают ни краёв, ни берегов.
Пылает день и ночь моя любовь
То солнцем, то свечою на клавире.
Люблю тебя сильнее всей правды в мире,
И нет на свете чище этих слов.

Во мне живёшь неустовою жаждой,
Давнишней мукой, детскою мечтой.
Не на святых молюсь я вечер каждый,
А на тебя. Люблю, дышу тобой,
Смеюсь и плачу; а уйду однажды —
Клянусь любить за смертную чертой.

ЧАРЫ ЖЕМЧУЖНЫХ ЛУН

(Акростих)

Эллипс луны по кромке скользит песка,
Долго ища в прибрежной волне альков.
Утицу кличет селезень, расплескав
Аквамарин струящих рассвет шелков.
Робок поток лучистый, но так упруг.
Дышит река, вздымая нагую грудь.

Утицу кличет селезень молодой,
Чары жемчужных лун вбирает роса,
А в полусне колыщутся над водой
Ранних кувшинок тонкие голоса.
Отозвалась крохалечка на призыв —
Веером с крыльев капельки бирюзы.

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

Какой ты правды хочешь, глупая —
Которой он тебя берёт?
Не той ли, что косою грубою
Срезает хрупкий стебелёк?

Не алым цветиком-отрадою,
Но — предначертано извне —
Лозою виться виноградною
По зарешёченной стене.

И тенью быть, и песней ласковой,
И брать любую из преград.
И ничего, что плачет пасокой, —
Но жив корнями — виноград.

СИНИЧКА

Птица или листок
Будь я — леталось проще...
С ветки сорвал гнездо
Ветер, бушуя в роше.

В травах березняка,
Как на столе больнички,
Ёжась от сквозняка,
Сердце дрожит синичкой.

Где-то моя лазорь?
Где-то мои высоты?
Режет живое взор
Скальпелями осота.

На высоте лишь ртуть —
Столбиком пограничным.
Прыгает кот на грудь —
Чует, видать, синичку.

И РАДУЮСЬ О ТЕБЕ

Люби меня беспредельно
И пуше стихов алкай,
И ношно люби, и денно,
И в рубище, и в шелках.

Люби меня на излёте —
Моей ли, своей руки —
Изменчивой позолоте
И времени вопреки.

Забыв пересуды граждан,
Избытое мной прочти,
Люби меня, вечный стражник
Лукавой своей мечты.

Объятием обознача
Спасательный круг в мольбе,
Я просто о жизни плачу
И радуюсь о тебе.

ЭПИКУРЕЕЦ

Э. У.

Начертать поспеши скорее,
Мой эбеновый карандаш,
Как роскошный эпикуреец,
Облачаясь в свою рубашку
(Чудо-байковую рубашку,
Что порою любимых греет),
Совершает табачный хадж
И возносится в эмпиру.

Как морозные кудри дыма
Овевают его чело,
Как раздумчивым пилигримом
Он на удочку вечер ловит
(Синепёрую рыбу ловит
На крючок оптимальной примы),
Поминутно вздымая бровь
Императором Рима.

СУЛАМИФЬ

Стережущее время колье — от богов! —
Околдует изяществом шейных оков.
Но блаженна из принятых нами неволь
Та, где молодость и красота — для него.

Головою прильнула к горячей руке,
Замерла на счастливом своём острове.
Но очнулась тотчас, поднимая лицо:
«Господин, где мой дар — золотое кольцо,
С письменами, которые мастер чертил?
Про «ничто не проходит» мне снова прочти!»

«Я прочту тебе, милая, тысячу раз —
Наизусть. Но невесел мой будет рассказ:
Некто в чёрном однажды взошёл на крыльцо,
Обещая бессмертных стихов — за кольцо.
Ты прости, но себя бесконечно кляня,
Я не выдержал — это сильнее меня.

Я растратил казну, заложил фазетон,
Но всё нового золота требует он.
Так бесславен обмен и бессловен итог...» —
И под пальцами русый дрожал завиток...

...Но блаженна из выбранных нами неволь
Та одна, дорогая, где всё для него.
И рассыпав огни на атласном белье,
Соскользнуло с груди золотое колье.
Раздвоилась звезда, покачнулось окно,
И бессмертное слово упало у ног.

ЕСЛИ КРОВЬ ТВОЯ – КЕРОСИН...

Облака керосином жгут,
польхает бумага писчая —
как же сильно меня там ждут,
что ожогами лишь я жив ещё.

Эдуард Учаров

Если кровь твоя — керосин,
значит, дело моё — табак,
потому что для сердца сил
не останется без тебя.

Не расскажут чужие рты,
да и мне холмы высоки,
что же с роста двух метров ты
видишь в той стороне строки.

Удержать ли тебя, атлант,
опечаленный на весну?
Чем весомее дан талант,
тем труднее жить на весу.

Даже если шагнёшь с листа,
там, пожалуйста, не грусти:
упаду на твой пьедестал,
не позволю его снести.

* * *

Белые, красные, золотые...
Рыбок плывёт косяк.
Истина прячется за латынью,
Глазом опять кося.

Холодно, друг, не зима едва ли,
Что там сейчас в Москве?
Виснет на проводе, как удушен,
Лампочки тусклый свет.

Пьяный октябрь снял эпoletы,
Благостен и сметлив.
Сможет ли солнце свою планету
Вытащить из петли?

Вечного лета собрать обрывки,
Тёплым озарив?
Пусть не погибнут цветные рыбки,
Брошенные за риф.

Сон, точно грифель, тонкий и ломкий,
Ластик стирает утр.
А в глубине голубой клеёнки
Рыбки себе плывут.

ИМЯ РОЗЫ

О сердце, ты так беззащитно
пред кровною памятью зла...
Но с детской душою мужчину
однажды своим назвала.

В устах распускается слово —
дар божий, весенний, живой,
так ждущий ответного зова
от музыки — музы его.

И так неизбывна угроза
остаться без песни вдвоём,
покуда лиловая роза
цветёт на предплечье моём.

* * *

Не пеняй, заря,
Ты метелице —
Пополам Земля
Не разделится.
Прячь в углах у рта
Слово тяжкое,
Отворяй ворота
Рубашкины,
Милуй грешного,
Милуй жалкого
И у сердца согрейся
Жаркого.

ЗЕЛЕНЕЖНОСТЬ

И тихо под парусом месяца
выплывет ночь,
и выхватит профиль поэта
с летящей бровью.
Казалось, окончен роман,
а я жду послесловья,
дойдя до финала,
ладонью коснись изголовья
и новых листов
изумрудный пожар напророчь,
где мы, задыхаясь в объятьях
зелёных дымов,
в свободный полёт отпуская
все окна апреля,
заметим, что проще согреться,
прощая и грея,
а наша с тобой зеленежность
сильней холодов...

ЕСЕНИНСКОЕ

Со скрипом ломались перья,
Не в силах строке помочь.
Бунтующе хлопнул дверью
Ушедший в сырую ночь.

И свет золоточервонный
Ссыпала с него листва,
И тень человека в чёрном
Манила его из рва.

Босая, в излёте танца —
За суженым по струне.
Но хватит ли слёз остаться
В безумной его стране?

И пить на краю траншеи
С дождями на брудершафт?
Всё туже сжимает шею
Предательский алый шарф.

Легонько заря коснётся
Невольного палача, —
Любимое насмерть солнце
Зайдёт с твоего плеча.

СВЕРЧОК

Судьба, раздающая горюшко,
И памятлива, и зорка.
Сужаются стены до горлышка
Спасительного пузыряка.

И восемь таблеток снотворного
Колёсами поезда мчат
От адского скрипа зубного
В тот рай, где чудесно молчат.

Осыпятся звёзды с ресниц её,
Разгладится лба горизонт,
И снова владеет столицей
Единственно верный сезон.

А крест или счастье несущему,
Ему, на развилке дорог
Зачем-то о бренности сущего
Свербит светофорный сверчок.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Какая тишина — оглохнуть можно!
А до рассвета несколько часов.
На лунный ноль созвездия умножив,
Ночь медленно вращает колесо.

А где-то там, сошедшие с распятия
Безумной, поглощающей любви,
Друг друга двое крепко сжав в объятьях,
Не в силах колесо остановить.

БАБЬЕ ЛЕТО

Шмеля запрягай, пока у погоды льгота,
Махнём к сентябрю в лесок.
Для нашей телеги пятое время года —
Не пятое колесо.

Пропишет тебе движение мегаполис
С компьютера на диван.
Здесь доктор иной: ничто не сравнится с пользой
Целебных осенних ванн!

Ещё не утихли звуки лесных оваций,
Рябиновый пир — горой.
И хочется плакать раньше, чем любоваться
Последних цветов игрой.

И музыкой дышит даль, рассыпая флейты,
Опятами дышит близь.
О пятое время года, о бабье лето,
Ещё на чуток продлись!

СЕНТЯБРИНЫ

От георгинов сентябринам —
Последний праздничный салют.
Взбивая синие перины,
Нам вечера смиренье шлют.

А ночь смыкает очи крепко —
И не разбудишь до зари.
Надев оранжевые кепки,
Гулять выходят фонари.

Листок торопится кленовый
До клумбы вымерять длину,
И чётче ночью профиль слова,
Глядящий в зеркальце-луну.

* * *

По кленово-огненному следу
Путь в невозвратимое готов.
Вылилось фонтановое лето
В бронзовые чашечки цветов.

Туфли отошли, не в моде платья...
Задрожат напрасные уста —
Ровно разжимаются объятия,
Будто отпускает высота.

И не пошатнётся мирозданье,
И ничто свой не нарушит ход.
Башенку над пасмурной Казанью
Покидает птица-вертолёт.

АКУПУНКТУРА ДОЖДЯ

Хмурить лоб, уподобляться шарпею,
Не к лицу, душа моя, не по чину.
Если женщины и вправду глупее,
Не постигнуть эту глупость мужчинам.

Между тучами прогал синий-синий,
Лечит дождь акупунктурою бабье,
Или что-то там сжимают так сильно,
Что твоё зеленоглазое каплет.

Скоро-скоро бросят в садик осенний
Все листы календаря и все даты...
Вот и первый полетел — у сирени,
Не желтеющий, чуть-чуть виноватый.

ОСЕННЯЯ ФЛЕЙТА В РАЗРЕЗЕ

Смурнеет. Попрятались в ниши
вселенский потоп переждать.
А тучи всё ниже и ниже —
до неба рукою подать.

Недолго, осталось недолго:
опустится тень на плетень,
и ветер, как дворник, метёлкой
смахнёт застоявшийся день.

Дождавшись условного знака
(а первая капля — ожог!) —
фонарный двойник Пастернака
очертит заветный кружок.

Осенняя флейта в разрезе,
подобие яркого дня —
и вот молодому повесе
готова уже западня.

Сорвавшийся, шумный, ведомый,
целующий ночь напролёт,
с карминовой мальвой у дома
над чашечкой смятой всплакнёт.

СОХРАНИТЬ КАК ЧЕРНОВИК

Черновики, черновики
я отпускаю из руки...
Летите, милые, в тот круг,
туда летите,
где абрис тонок и упруг
у Нефертити.

Я — невеличка, мир — большой,
в нём сильный слабому чужой.
В нём обходительны друзья —
они обходят,
и снисходительны князья
к чужой свободе.

И я двухсотую печаль
таю у левого плеча,
но в женской нежности метельной,
тонкорукой
я всё же многого сильнее
в этом круге.

Там ты со мной на выдох-вдох,
а боль всегда звучит как Бог...

* * *

Читаю капли на стекле,
Дышу на светлые дорожки.
Автобус едет в декабре —
И тот пустой, и тот порожний.

Светаёт нехотя: невмочь
От сна оправиться природе.
И дольше века длится ночь,
Но всё же новый век приходит.

Из голубого забытья
Сочится в окна он и двери,
И оборачиваюсь я
На мрамор и венки империй.

А путь до горизонта бел —
Так пусто будет в мире целом,
Когда останусь не у дел
Я чёрной веточкой на белом.

А тот, кому она цвела,
Осиротелый и бездомный,
Сотрёт с холодного стекла
Письмо озябнувшей ладонью.

Я БЫЛА ЛЮБИМА

Я была любима.
И нечаянна.
Так в пустыне дождь врачует истово
Дерево поникнувшее, чахлое,
Что тому уже нельзя не выстоять.

Я была любима.
Так иззябнувший
Тянет руки к радостному пламени.
Отогревшись и родившись заново,
Он уйдёт в назначенное плаванье.

Я была любима.
Мату — дитятком.
На чужбину выброшенным — родина.
Вольность луга — алыми гвоздиками.
Берег детства — керженскими водами.

Я была...
Отчаянна и жертвенна.
Купина твоя неопалимая.
Я была любима так божественно,
Что любя тебя уйду любимой.

* * *

Слово, соловушко, соловей,
тёплое гнёздышко в сердце свей,
звонкое серебро оброни,
чёрного ворона прогони.

Чёрная птица речёным днём,
страшно крича, залетела в дом.
И, превращая уют в бедлам,
эхо металось по всем углам.

Слово, соловушко, истый свет,
русой весны молодой поэт,
выменяй ноченьку до утра
на серебро своего пера,

на колокольчики чутких нот,
где покаянье берёт отсчёт...
Слово, соловушко, малый птах,
что же ты медлишь в моих устах?

И ТЕБЯ НЕ УСЛЫШИТ БЕТХОВЕН...

Завещаю тебе череду прибывающих дней
На пороге апреля — ты только не сбейся со счёта.
Заверни, дорогой, мне в салфетку небес повлажней
Эту жёлтую розу, парящую так бледнощёко.

Непомерное утро, сводящее горло, свежо,
А оброненный след — моего одиночества слепок.
Отвернётся окно, приметив, как талый снежок
На груди у земли сиротливо замрёт напоследок.

Опрокинута чаша, и с неба отчаянно льёт,
Обездолен лимон, а оставленный обезлюбовен.
Что же делать, когда пустота постучит и прильнёт,
И заплачет она, и тебя не услышит Бетховен?

ПОЭЗОТЕРИКА

Если к нежности апреля
мы добавим силу солнца,
соки трав, цветов, деревьев,
шум дождя, тумана шёпот,

то получим женский облик,
силуэт, летящий оттиск,
семь цветных полос на небе,
предысторию порыва...

Заверните в лист берёзы
дождевые три алмаза,
восхититесь цветом яблонь,
до поры плоды таящих,

поделитесь с нимфалидой
предвкушением сирени,
обещайте послезавтра
непрерывно стать счастливой...

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЁН

Я выплакивала тебя речному песку,
солнцу, которое через кепку мокло,
музыке, знающей не понаслышке тоску,
автобусу в равнодушные стёкла.

Выбрасывала тебя майскими жуками,
залетающими в ночное окно,
прокручивала обручевыми кругами,
кадрами кино.

Исторгала тебя уходящими килограммами,
пятнадцатью процентами живого веса —
чемодана с фотоальбомами ранними,
ужесточением пресса.

Вычёркивала тебя на простынях и листах,
и когда тебя во мне не осталось
(или только думалось так), —
оказалось,
что не стало меня...

ОБСЕРВАТОРИЯ

Хочешь увидеть Бога, соедини
Жемчуг зрачка со створками телескопа.
Глиняным пятилучьем себя распни —
Только тогда кручина высоколоба.

Кажется, это небо не удержать —
Рушатся мне на плечи его своды.
Не приближайте свет — тяжело дышать
Сдавленным горлом жалкой моей свободы.

Только бы пережить метеорный дождь,
Кажется, это зевсы сюда проникли.
Ярость непобедима, так для чего ж
Лиру укрыли волосы Вероники?

В тёмных садах межзвёздного вещества
Стынут ночами горькие оговорки.
Собраны до последнего все слова,
Яблоки, звёзды, — пусто... Задвиньте створки.

ДОЙДЯ ДО ТОЧКИ НЕВОЗВРАТА

О, одиночество привата,
Луновеликая жена,
Я чем-то очень виновата
И вряд ли буду прощена.

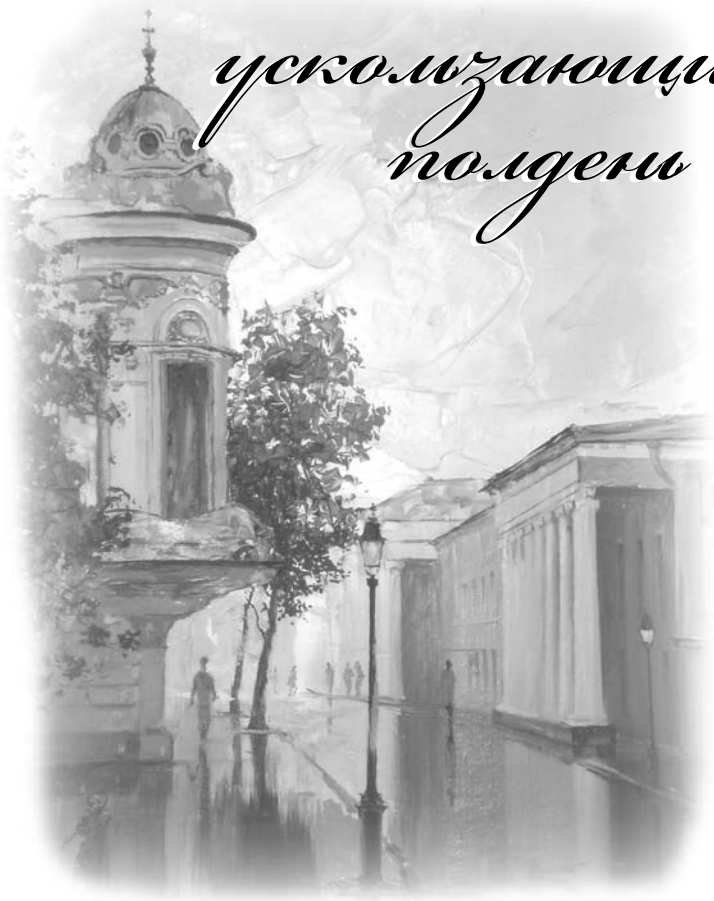
Солнцеподобные рычали,
Луновеликие несли,
За бесприютными плечами
С щеки взлетали журавли...

Но я была другому рада:
Дрожанью шины под ногой,
Цветным огням Димитровграда,
Строке, гудящей и тугой,

И в раме лужи привокзальной
Автопортрету фонаря,
И сбившемуся под Казанью
Сердцебиенью октября.

Дойдя до точки невозврата,
Пространство разрешилось мной,
Той, что прекрасно виновата
Своей немыслимой виной.

Люви
ускользающий
полдень

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

Бредём, опутанные сетью,
По третьему тысячелетью.
Вокруг да около война,
А позади одна страна.
Зачем я прошлое столетье
Тащу с собой в тысячелетье?
Оно само, в висок дыша,
Не отпускает ни на шаг.

* * *

Когда апрель-гулёна
Отпросится в лесок,
И глянет из пелёнок
Первенец-листок,

Когда в реке водица
Покажет небу дно,
Придёт черёд родиться
Девочке одной.

На лысковской заставе
Агукнет посильней,
Не ведая, что станет
Мамою моей.

ПАПЕ

С дрожью входило, стирая черты
Время у тела в больничной постели.
До голубого безмолвья светлели
Папины синие прежде глаза.

Кто-то чужой на разрыве дышал,
Хищно змеились лиловые трубки.
В окна листом (или сизой голубкой?)
Папина билась душа: «отпусти...»

И, неизбежному дверь отворя,
Утру молилась Святая Татьяна.
Падал вчерашний листок покаянно
На ослепительно-траурный снег.

СНЕГ БЕГУЩЕЙ СТРОКОЙ

Снег, пожизненный снег...
... Он присыпан землёй,
... .. словно папин последний приют
... .. в январе XXI века.
... .. Век — хромой.
... .. Опираясь на палочку, он
... .. моей мамы считает шаги
... .. по безумно уставшему снегу.
... .. Снег на всём.
... .. Неизбежен и неумолим:
... .. на ссутуленных крышах домов,
... .. на тетрадях скамеек в полоску.
... .. Вот и всё...
... .. Мне, наверно, уже не успеть
... .. за бегущей белой строкой —
... .. слишком скользко...

ГДЕ-ТО НА ОЗЕРЕ ХАНКА

Сыну

1

Ах, почему в июне мало
дней
И тридцать первого в анналах
нет?
Последний вечер, полусонный
мир.
Венчает голову зелёный
мирт.

Глаза заплаканы у летних
лун.
Стоит король на чёрной клетке,
юн.
Квадраты досок жаждут свежих
войн.
Приказ — и рвутся мысли-пешки
в бой.

Ещё чеканкой не отмечен
шаг,
А мне грозит унылый вечный
шах.
Июнь. Откуда в сердце холод,
стынь?
А завтра в армию уходит
сын.

Выхвачен, обезб́тчен...
Сорван с куста досрочно,
Кружит, летит листочек —
С бурями незнаком.

Не избежать их, впрочем:
Осени не отсрочить —
Чёрная лапа ночи
Листья сминает в ком.

И понесёт легко их
Мимо соломин полых,
Мимо деревьев голых,
С запада на восток...

Боже, не оприходуй,
Чтобы сквозь зимний холод,
С новой весны приходом
Свежим влететь листом!

Радость отметилась кратко —
Другая гостья вошла:
Мантию с конфедераткой
Армейский сменил бушлат.

Снимок на фоне танка —
И воин чуть-чуть суров —
Где-то на озере Ханка,
За семь часовых поясов.

Берцы уже не тугие —
Крещён через кровь пацан...
А были войска другие —
По клетчатым шли плащам.

Пока приморские дали
Из ниточек вяжут жгут,
Шахматные медали
Владельца по струнке ждут.

ГОРЛИЦА

Прибиралась в горнице,
Тихо шебеча,
Но таила горлица
В горлышке печаль.

Думушка былинная,
А работа — быль:
Сдула бы пылиночки —
Вытираю пыль.

Что по доскам босая —
Рана не страшна,
А саднит занозою
Горлинки душа.

Трепетная веточка,
Хрупкий стебелёк,
Если б только весточку
Ты подал, сынок.

ДЕТСКИЕ ЧАСИКИ

Детские часики в блеске витрины
Взгляд ремешками притягивали:
Бабочки, пчёлки, лошадки, дельфины
Плыли, летели, вышагивали.
И не догнать вездесущих белок
На колесе у секундных стрелок.

Не ремешками ли горло сдавило —
Доча, сыночек, когда это было?
Нет, не откроется в детство сезам.
Нежности горькой избежать не в силах,
Время течёт по глазам.

ФЕВРАЛЬ

Ты, не вышедший статью,
Затесался, малыш,
Между рослыми братьями
И метелями мстишь.
Вы хотите веселья?
Вам покой не с руки?
Напе вам карусели,
Заводные волчки,
Мотыльков под облаты,
Белых шершней в лицо!
Выходите, лопаты,
Под сугроб на крыльцо!

А устанет проказник —
Прибежит на постой,
И в безоблачный праздник
Поиграет звездой.
За мерцанием синим
Ворожится ему
Колыбельная сыну
В материнском дому.
Одиноко и стыло
К небу тянется дым...
Дай мне, Господи, силы
Быть извечно вторым.

И НЕКТО ВО ФРАКЕ ГРАЧЁВ

Покуда сосулёк отряд
редел, не считая утрат
на пике азарта, —
с нижайшим поклоном зима
сдавала свои терема
в княжение марта.

И дом, обнажающий лоб,
и пышную шапку сугроб
бросающий наземь, —
оставя ненужную спесь,
слагали победную песнь
весеннему князю.

И пели, звенели, лились,
стремительно мимо неслись
хрустальные гроты.
И некто во фраке грачѳв
ловил в звукоряде ручѳв
хвостатые ноты.

Хмельной же от музыки князь,
на лавку в саду преклонясь,
восторженно-пылко
на дамский смотрел сапожок,
в последний упрямый снежок
вонзающий шпильку.

ПОЛДЕНЬ

По зелени майские росы
Серебряный выточат след.
Уже на подходе вопросы —
Ответов пока ещё нет.

Но вот разнесётся по склонам
Победное тремоло гроз, —
И розовым *ля* на зелёном
Проклюнется первый вопрос.

В ответе за лето, светила
Поправят секунды орбит,
И день, набирающий силу,
В янтарный рожок затрубит.

А в полдень притихшее лето
Распустит бутоны у роз,
В которых созрели ответы
На самый заглавный вопрос.

Кольшимы солнечным ветром
И им наперёд сочтены,
Пыльцою осядут ответы
На спинке жужжащей пчелы.

Лови ускользящий полдень,
Стрелу золотую лови, —
И мир, полнозвучья исполнен,
Исторгнет кантату любви.

ЛЕТНИЕ КАРТИНКИ

Жара

Жжёт до удушья день,
До`бела раскалён,
Тени уходят в тень —
Руки разводит клён.

Будто бы наверху
Шпарят истопники
И, наподав жарку,
Просят: давай, пеки!

Стоны им нипочём,
Чаянья — до луны,
Кто-то весь день печёт
Солнечные блины.

На даче

И тишь... И воздух пряный, сладкий...
Раздали белые перчатки —
Да здравствует крестьянский труд!

Вьюнок, обнявший помидору,
А ну-ка, полезай без спору
К своим собратьям по ведру.

Манима яблоневым раем,
Потом с тетрадкой загораю,
Следя за жизнью муравья.

А где-то там, на правом фланге,
Из недр голубого шланга
Летит весёлая струя.

Летит струя — строка тем паче!
А стрекоза в блестящей пачке
Скользит стремительно, легко.

Застыв, читает с интересом
И не пеняет поэтессе
На простоту её стихов.

Варенье

— Разрешите пригласить Вас на танец,
Желтоглазая Слива!
Блеснув стальной улыбкой,
нож скользит по её талии,
пронзая золотой хитон
и солнечную мякоть.

— Я Ваша каждой своей половинкой
с миндалевидной косточкой в разрезе!
Лишённые её, два крылышка летят...
а почему бы и не в Чашу Грааля?

Благодатный сахарный дождь
накрывает их с головой,
между тем как в глубине
закипают огненные страсти.
В их горниле и рождается
роскошная сладость соблазна.

СУПЕРЛУНИЕ

Глазное яблоко луны
Пытливо пялилось на землю,
Шелка шальной голубизны
И роскошь форм её объемя.

На землю зыркала луна
Так беззастенчиво и дико,
Как азиатка смотрит на
Голубоглазую блондинку.

Луна тарашилась в упор
На визави ревнивой девой,
Желая вытянуть на спор,
Кому из двух быть королевой,

И чья державнее печаль,
Чей профиль более коронный.
Оборотясь из-за плеча,
Земля плыла себе мадонной.

* * *

Пожалуй, он и был стилиста,
Что в моде лезет на рожон,
И автор свежих взглядов, — благо
В пятидесятые рождён:

В тот год скончался вождь народов,
И бушевала Воркута,
И первой бомбой водородной
Жила советская мечта.

Вслед за Томмазо Кампанелла
Он в Город Солнца смело шёл,
И верил, что любое дело
Ему даётся хорошо.

Его портреты в жанре шаржа
Тогда никто не оценил.
Он мог быть символом of Russia —
Когда бы жил он в наши дни.

В зелёном галстуке поэта
И в шляпе ярко-голубой
До сей поры по белу свету
Незнайка шествует с тобой.

ЩЕНЫ

Когда какой-то колокольчик
Забьётся, может быть, в груди...

Евгений Евтушенко

Как в любви — притяжение с первого взгляда, порой
Связь с живым существом-малышом до того крепка,
Что, бывает, приходишь на почту взять бандероль,
А уходишь с подброшенным пёсиком на руках.

...Он катился за кошкой на лапках своих кривых,
И задорный его колокольчик-хвостик звенел.
Дни бежали, и ты понимал, что уже привык,
Удивляясь безмерно сердечной той новизне.

Не понять дальним близким привязанности твоей:
За спиной, втихаря, разыграли отличный блеф,
Ни «в хорошие руки» даже, а так, за дверь,
Мол, пропала собака и нет никаких проблем.

В свете фар — подвалы, открытые люки, бачки,
Стынет кровь от красных вывесок «шаурма»...
Бедный мой... Это как дитя потерять почти,
Это ночь без сна и тягучий дневной кошмар!

Время, сможешь ли безнадежного исцелить?
Люди мнят, что случившееся — в порядке вещей.
Почему только слева опять и опять болит,
Колокольчик умолкнувший, мой безымянный «щень»?

ШЕКСПИРУ

Слова ли всего предтеча?
Да слышится голос твой!
Глокает секунда встречных,
А Гамлет — живой, живой!

Что тени — ни тени шутки,
Что солнце — узор слизав,
Слепит у окна маршрутки,
А Гамлет стоит в глазах!

«Я знаю, мой друг Гораций:
Возмездия ждёт отец...»
И хлынула с декораций
Волна по камням сердец.

Как горестно быть мишенью
По жизни братоубийц.
Угодно ли миру мшенье?
То be или not to be?

Ты так и не дал ответа,
А может его и нет?
Сменяется век за веком,
А Гамлету тридцать лет.

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

Кто бог и червь, тот всяку равный —
От малой щепки до светил.
Широкой поступью державной
В реестры входит Гавриил.

Меж ломоносовским каркасом
И блеском пушкинских портьер
Его точёные балясы —
Живой поэзии пример.

Честной мундир не запылится
На складе сгнувших времён.
Не смолкнет славная Фелица
В ряду торжественных имён.

Пока в руинах классицизма
Находят слиток золотой,
И я — заложник магнетизма
Строки возвышенно-простой.

ДИРИЖЁР

*Андресу Мустонену
Кристоферу Мулдсу*

В шестом ряду второе место —
Счастливым вытянув билет,
Обожествляю спинку кресла,
Каких на свете больше нет.

Он вышел в чёрном. И взывала
Смычковых стая голубей.
О дирижёр, ты сердце зала
Навылет музыкой пробей!

Толкай, раскачивай качели,
До неба головокружи
На той струне виолончели,
Которую не заглушить.

Когда рояль играет жизнью,
А скрипку обнимает альт,
В одном движенье тонкой кисти —
Такая боль, такая даль,

Такие колоколят бездны
На люциферовой трубе,
Что отречься бесполезно
От безрассудного в тебе.

И ты, в неудержимой страсти,
Все дни и ночи напролёт
Отдашь за чуткое запястье,
За тонкой палочки полёт.

ИМЕНА

*Ивану Данилову**

Да, мы любимся дерзкими,
которые здесь и сейчас,
которые с возраста детского
тянут на силача.

Отмеченные медалями
и звёздами всех мастей,
которые зажигали мы
от искры на бересте.

Но будет что на поверку,
когда отгорит, отойдёт
прекрасными фейерверками
украшенный небосвод?
Какою горькою пылью
осядут их имена
на творческом изобилье
во всякие времена?

Хоть я не из той породы —
мне ближе упрямый труд,
я знаю, славные годы
сами меня найдут.
Между любовью и болью,
где-то на склоне лет,
звёзды крупною солью
лягут на мой хлеб.

* *Иван Данилов* (1941–2010) — яркий казанский поэт-шестидесятник, автор книг «Завязь» (1966) и «Птица долгой зимы» (2015).

В ЗЕНИТЕ

У кромки леса, бегущего с горки вниз,
Где Волгу переплывает июнь в зените,
Там травы по-комариному налились
Звенящей кровью молоденькой земляники.

Поди угадай, мы чьих голубых кровей,
В каких земляничных безднах однажды сгинем...
Так ящеркой чья-то жизнь промелькнёт в траве —
А светлый след останется в небе синем.

СОН

Двадцать пятого власть захватил солнцёбой,
Узкоглазая ночь притворилась слепой.

И бежали ясыри, карабкаясь вверх,
Вдруг огонь — по мишеням зажмуренных век.

Я лежала под небом, всего посреди,
Несусветная дрожь колотилась в груди,

Раздирая пространство от рёбер до плеч,
Будто душу пытались из тела извлечь.

Кто-то дико смеялся в пустом далеке
Безъязыкому рту, непослушной руке.

И бесчувственный ливень гвоздями громов
Заколачивал наглухо крыши домов.

НА КРАЮ

Что останется, если всерьёз,
Кроме выдоха, там, у обрыва?
А лошадка, везущая воз,
Всё везёт и везёт терпеливо.

Ей родная поклажа мила
И привычно осиное жженье.
А дорога пускай тяжела —
Это вещей горы притяженье.

Было так: вдохновение — вдох,
А поэзия, стало быть, — выдох.
Почему же мы пестуем вздох
На крови, на слезах и обидах?

Кто из нас никогда не бросал
Пустословия злое дреколье?
Ах, зачем же мы полним фиал
Горько-красною жертвенной болью!

И, гонимы похмельем вины,
Доливаем до краешка снова,
И не слышим, собою полны,
От обрыва идушего зова.

ПЯТЬ МИНУТ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Людмиле Марковне Гурченко

Гребцы на лодочках отчалил
И подмигнут.
Задорно песенка звучала
Про пять минут.

И шли года, и ярк в зале
Был рампы свет.
Тебе Макропулос, казалось,
Открыл секрет.

Дивился талии точёной
Двадцатый век,
Экстравагантно-утончённа —
Одна на всех.

Напрасно завтра ожидает
Тебя апрель.
Но налита вода живая
В твою купель.

Омыться, славой причаститься —
Испить вины
И унести с собой частицу
Чужих-родных.

(Ах, почему глоточек славы
Порой горчит?)
...Но вот весна гребцов прислала:
Журчат ручьи.

В тот рай, где не нуждалась Ева
В тепле плаща,
Туда, экрана королева,
Плыви, прощай...

БЛАЖЕННАЯ

Блаженная, в нелепой одежонке,
Маршруту воздавая по трудам,
Не девочка, но и не старушонка,
По магазинным шествует рядам.

Так сторож бережёт свои границы,
Глаза ко всем внимания полны.
Где подадут монетку, где тряпицу,
Где всучат неликвид за полцены.

И прошлое вдруг высветится ближе,
И бедность замаячит за углом.
Блаженная, тебя я не унижу
Ненужной вещью, пыльным барахлом.

А большего подать я не готова,
И где-то виноватится в груди.
Кивну вперёд, ответственую два слова.
Иди, моя печальница, иди.

* * *

Звучала песнь, я слов не распознала.
Казалось, ей внимали своды зала
И освященья ждущий белый хлеб.
И были там мужчины разных лет,
И мальчики с чистейшими альтами.
Светились лица строгой простотой.
И рукава у регента взлетали,
И ноты золотились от крестов.
Смотрела долго, не смыкая вежды,
На их жемчужно-белые одежды,
Свечей голубоватый ореол.
И верилось, потерянный обрёл...

РОЖДЕСТВО

(Акростих)

Разглядывая звёздные пределы,
Одно желание небу прошептать.
Желаемое сбыться бы хотело,
Дитя хотело сказку увидеть.
Его сажают в саночки резные,
Серебряных полозьев вещество
Туда стремится, в звёзды расписные,
В торжествование сущего всего —
О, Рождество...

* * *

Был человек — и нет.
Пьяненький мой сосед
Вышел вчера в отставку.
Сплошь синяки, фингал —
Кто-то его послал
К боженке на поправку.

Скорой такой не гожд,
Сколько их, пьяных рож,
Это не наш, мол, профиль.
Только зачем ты, док,
Выпавший кошелёк
Так изучал подробно?

Глупая штука жизнь,
Ну же, сосед, держись —
Сил моих маловато.
В тулове — ломота,
В комнатах — пустота:
Здесь ни жены, ни брата.

«По выходным — сынок...»
Падает, как без ног,
Мечется на подушке.
Тара стоит в углу,
Брошены на полу
Коленькины игрушки.

Был человек — и нет.
Гордый, смешной сосед
Выкинул злую шутку.

Он же чужой, чужой —
Что ж так нехорошо,
Плачу вторые сутки.

Был человек — и нет.
Сел на диван сосед,
Носом в плечо уткнулся,
Крепко закрыл глаза,
Вышел на небеса,
Вышел и не вернулся.

ЛОМБАРД

Проходили воду,
огонь и медь —
только вышло вёдрами
зря греметь.
Билась чья-то правда
об стенки лбом.
Выкинули барда —
остался лом.

Приняли без пробы вы
серебро —
седина вам в бороду,
бес в ребро!
Вы не разглядели
сейчас и здесь,
что на самом деле
так блещет жемчуг.

Медный лоб упрятавши
под убор,
вновь и вновь упрямые
ташат вздор.
А другие долго,
до темноты
намыывают золото
немоты.

НЕ СЧИТАЯ ЭТАЖИ

Александр Кишкурно

Начните с чистого листа —
сейчас, с утра,
когда обрушит высота
дожди, ветра,
и сядет в лужу после дождика
четверг,
и сдавит сердце от следов чужих
поверх,

когда навстречу шахте, вниз
несётся лифт,
когда читать устанешь жизни
мелкий шрифт,
и остывает на погосте
«я люблю...»,
и даже пуговица просится
в петлю,

когда случайный под ногой
кленовый лист,
краснея, шёпотом его
поднять велит, —
какое чудо: не считая
этажи,
начать с кленового листа
любить и жить!

ГОРОШИНА

Обычная горошина,
Племянница кусту,
Я кем-то в землю брошена,
И вот — себе расту.

Но чья душа мне дадена,
Судьба вздыхать о ком,
Цепляясь за оградину
Зелёным стебельком?

Какому дню назначена
Средь заросли густой,
Обожествляя ржавчину
До вязи золотой?

Живу, дай бог, не овощем
На крохотном клочке,
А всё моё сокровище
В зажатом кулачке.

Господь надкусит бережно
Стручковое ребро:
— Ну, здравствуй, королевишна,
Хранящая добро!

Храни и дальше, матица,
На много-много лет,
Пока по кругу катяются
Горошины планет.

ДВОРЦЫ ГОРОДОВ

Дворцы городов, чья фантазия вас изваяла?
Приюты титанов времён солнцеликого Феба,
Где эхо шагов раздаётся под сводами зала,
А своды короной небрежно касаются неба.

Вы созданы для церемоний и пышных нарядов,
Что держит за складки накидок торжественный мрамор.
Здесь верные слуги-вазоны, неся балюстрады,
Рассеют секреты свои по периметру храма.

Как вырваться духу из плотных объятий эфира,
С проспектов бесчисленных лестниц, фойе, коридоров?
Пусть жезлы дворцов означают господство над миром,
Но хрупок цветок мироздания в горсти у просторов.

Ищу человека. Ищу в человеке простое.
Несметным богатствам простого не нужно охраны.
Я здание Розы для всех и для каждого строю,
И небо бескрайнее высится куполом храма.

ДЕДУШКА МОЙ БУЛАТОВ

Петру Степановичу Булатову

Память ценнее клада, если добро в судьбе...
Дедушка мой Булатов, вспомнилось о тебе.
Вглядываюсь в начало: кто-то скромней едва ль —
Долго в шкафу молчала страшной войны медаль.

Это и мой осколок — жизнью неизлечим.
...Сельский директор школы слову детей учил.
Светлой души, нестрогий — с лёгкостью я пойму
Тех, кто с других уроков тайно сбегал к нему.

Письма писал — от Бога, всяк ему бил челом:
Было не так уж много грамотных на село.
Добрая слава греет щедрого на Руси:
Что отдавал на время, то забывал спросить.

Ну же, баян, играй-ка вальсы амурских волн!
Старая балалайка, вспомни байкальский чёлн!
Дедушка мой Булатов, в камне — овал простой...
Правнук уже в солдатах, правнучка — под фатой...

*Постмюльские
переводы
с татарского*

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Здесь деды, прадеды росли,
И жили мать с отцом.
За огородами, в пыли,
Я бегал сорванцом.

Открылось мне, что краше нет
И нет земли святей.
Я не считал счастливых лет
И выросил детей.

Нас всех поили родники,
И лес дарил добром,
Несли на крыльях мотыльки
Зимою серебро.

Красу весеннюю земли
Я воспевал не раз, —
Какие девушки цвели
На радость наших глаз!

Моя деревня Исмагил
Чем дальше, тем родней.
И унесёт лишь тьма могил
Мой светлый сон о ней.

ГРУСТЬ

Когда судьбой от дома отлучён,
Как может сердце яростно не биться?
Чужие стены чувствовать плечом —
Пусть эта старость с вами не случится.

Я взглядом вновь прикован к высоте
И немоте — встречая птичьи стаи.
Ведь даже пташки малые — и те
Не навсегда гнездовье покидают.

Хотя бы миг в моём краю побыть —
И пусть навек усну зарёю ранней.
Прошу вас в изголовье положить
Ту горсть земли, что я ношу в кармане.

НЕ ЗРЯ МЫ ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ

Нас было много — сильных, смелых,
Тех, кто оставил отчий дом:
Отважно молодость летела
На битву смертную с врагом.

Что нам опасности пугаться —
Настигнет пуля, ну так что ж.
В живых куда трудней остаться —
Так ноют раны невтерпёж.

Мы шли вперёд и уставали
Не от походов боевых,
А оттого, что мы теряли
Друзей и братьев дорогих.

Всё дольше скорбные аллеи,
Друзья теряются во мгле.
Но мы о прошлом не жалеем,
Не зря мы жили на земле.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Душою и словом лукавить
Я с детской поры не привык.
Лишь ты меня можешь прославить,
Родной мой татарский язык!

Достойный отдельного гимна —
А ты безусловно таков:
В твоих заповедных глубинах —
Сокровища всех языков.

Пытали тебя, убивали,
Но ты не поддался им, нет,
Из старых и тёмных подвалов
Ты нацию вывел на свет.

И помнит Европа донине,
Как с радостной дрожью в руке
Писали на стенах в Берлине
Бойцы на родном языке.

Ты атомной бомбы сильнее,
И сабли булатной острей.
Мы, светлую будущность сея,
С тобою шагаем быстрей.

ГОДЫ-ГОДЫ

На иветы проливаются луны,
Шелестят камыши у реки.
Годы-годы, вы — нежные струны,
Ваши песни печалью легки.

То, что было, — дороги, походы —
Всё навеки сердца сохранят.
Лишь иветущие юные годы
Растерял увядающий сад.

Рано вызрели наши советья,
И уже облетели листы.
Но остались нетленны на свете
Наши строки и наши мечты.

Расцветают упрямо и юно
Песни вешних садов и полей.
Годы-годы, вы — нежные струны,
Трону вас — и от песни светлей.

НЕВОЗМОЖНО

Расцветать ромашкам на полянах,
Птицам над деревьями кружить.
Невозможно было бы и странно
Без друзей и нам с тобой прожить.

Дума́й о хорошем, как родился,
А иначе в небо не взлететь.
Если ты с мечтою породнился,
О мечте немислимо не петь.

С той поры, как в сердце осторожно
Два огня небесные зажглись,
Невозможно, стало невозможно
Без любви на свете обойтись.

К новой, самой лучшей, светлой жизни
Все на свете нас ведут пути.
Без родного края, без Отчизны
Невозможно счастье обрести.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Юность закрыла страницы,
Рощицы золото льют.
С летом прощаются птицы,
Грустные песни поют.

Осень приму молчаливо,
Словно река — синеву.
Так же задумчива ива,
С ветки роняя листву.

Что ты, душа дорогая?
Каждому в мире свой срок.
Всякий цветок увядает,
Всякий засохнет листок.

Новые вёсны ворвутся,
Заново луг расцветёт.
Песни души остаются,
Значит, душа не умрёт.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Глаза закрою... сон проходит мимо,
И тишина покоя не даёт.
Пережитое бьёт неумолимо
И предъявляет сердцу старый счёт.

Как будто снова в пламени округа,
Гудит земля от яростных боёв.
Опять в дыму с гранатой вижу друга
И той войны безумный слышу зов.

Идут бойцы в атаку ночь за ночью,
Кинемеханик памяти суров.
Алеет снег... и вижу я воочью,
Как прожигает землю чья-то кровь.

Я вновь и вновь с бессонницей на равных,
Упавший воин в сотый раз убит.
Давно на теле затянулись раны,
Одно лишь сердце памятью кровит.

ПЕСНЯ РОДНИКА

Бежит ручей, журчит ручей,
Поёт под горной кручей.
Ах, почему же родники
Так звонки и певучи?

Слетелись птицы к берегам —
Нет музыки чудесней.
И камни катятся с горы
Его послушать песни.

— Скажи, от матушки-земли
Взял пылкости сердечной?
В кого же ты, ручей, влюблён,
Что славить песней вечно?

Ответил:

— Вышел я из тьмы
В мир, солнцем осиянный.
И вот об этой красоте
Пою я неустанно!

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

О чём берёзы плачут вешним днём
И почему весной печаль светла?
Быть может, слёзы капают о том,
Что безвозвратно молодость ушла?

А целый мир, куда ты взгляд ни кинь,
В нарядах новых царствовать готов.
Взлетают птицы в ласковую синь
И славят жизнь на тысячу ладов.

О чём берёзы плачут ясным днём,
Какой печали сердце их полно?
Не рассказать о горюшке своём,
Ведь языка берёзам не дано.

Сажали вас мужчины по весне
И шли за эту землю воевать.
Да вышло им навек сродниться с ней,
А вам — слезами сердце умыть.

ЗИМНЯЯ СЕРЕНАДА

Не скрипнет дерево в заснеженном лесу,
Кто бережёт его безмолвную красу?
Два лыжных следа припорошены метелью,
С далёких лет я это в памяти несу.
Притихли птицы, я мгновение ловлю,
На целый век я тишину остановлю —
Пусть вдалеке перекликаются два голоса,
И шепчет лес, и вторит ветер:
— Я люблю!

Колючий иней на висках моих давно,
И слово то под слоем лет погребено.
И слово то, и те уста, и то волнение,
Но с новой силою мне чувствовать дано.
Пусть тает след, а я мгновение ловлю,
Для нас двоих я тишину остановлю —
Я слышу, как перекликаются два голоса,
И шепчет лес, и вторит ветер:
— Я люблю!

Одежде ветхой уподобятся года,
От юных песен не останется следа,
Но подрастут другие пары и однажды
Свою лыжню они проложат без труда.
А я счастливое мгновение ловлю,
Его легко, как снежный ком, остановлю —
Услышу вновь, перекликаются два голоса,
Запомнит лес, прошепчет ветер:
— Я люблю!

* * *

Случайным словом, павшим с губ,
Обидел старого солдата.
Ты был безжалостен и груб
С тем, кто спасал тебя когда-то.
О нерадивый ученик,
Запомни, коль ещё не знаешь:
Ты вечный перед ним должник
За всё, чем ныне обладаешь.

* * *

Тружусь, тружусь... О юбилее
Моём не вспомнили, и пусть.
Ну что ж, наверно, им виднее,
Наверно, мало я тружусь.
Просеять — нет и половины
Моих успехов и трудов.
А вот во Франции дельфину
Уже и памятник готов.

* * *

— Почему ты, гармонь, приуныла,
Где летают твои соловьи?
Мне мальчишкой радостно было
Слушать звонкие песни твои.
— Оттого я теперь замолчала,
Что хозяин мой сгинул в бою.
Лишь ему одному доверяла
Я и песни, и душу свою.

* * *

— Сад песен! Непостигнутый, послушай,
Зачем ты с юных лет меня манил?
Ты музыкой стиха мне ранил душу,
Когда я исцеления молил.
— Цветы и песни, речь мою густую
Растить и холить не был ты готов.
Ты тратил много времени впустую,
Когда я ожидал твоих трудов.

* * *

Вон желторотик упал из гнезда,
То-то свободы вкусил.
Скачет, задача взлететь не проста,
Хватит ли птенчику сил?
Юность наивная с пылкой строкой
Вспомнилась в шуме весны:
Прежде, чем птичке взлететь высоко, —
Крылья окрепнуть должны.

ЖЕЛАНИЕ

К мельнице выйду, зерно смолочу,
Тихо по срубам её постучу.
Белой муки я отведаю хочу,
Белым-пребелым остаться хочу.

СЛОВО – ШЁЛК

Портной, кроя по мерке рукава,
Сошьёт рубаху, платье и мундир.
Поэт, сто раз измерь свои слова,
В которые оденешь целый мир.

Коснувшись человеческой души,
Готовься, и тебя найдёт молва,
И потому с речами не спеши
И точные подыскивай слова.

Подобно слову пушенной стреле,
И если кто-то целил наугад,
Наверняка он будет сожалеть:
«Куда стрелял я?», «А попал куда?».

Не забывай пословиц золотых,
Семь раз не меря, резать не посмей.
Ведь слово — шёлк. Что верно для портных,
То для поэта во сто раз верней.

ЗАТЯЖНОЙ ДОЖДЬ

За чёрными очками дремлет мир.
«Шебыр-шебыр...»
Поднявшись, кто-то зажигает свет
И ставит чай, но пробужденье нет.
«Шебыр-шебыр...» — весь мир сошёл с ума,
Бормочет тьма.

Дождь гонит с тротуаров, площадей
Домой людей.
Пути промокли, и трамвай опять
Из рельсов будет воду выжимать.
Забыто напрочь время ясных дней —
Сезон дождей.

Просвета нет, и воздух сер и сыр.
«Шебыр-шебыр...»
Такого не припомню я давно,
Когда-то это кончиться должно!
Шелчок замка — захлопнулась теперь
Напротив дверь.

Шебыр-шебыр и вдоль, и поперёк,
И между строк.
Недаром затяжным зовут его,
Но я б желал другое торжество:
Прольётся шумный пусть один, а вслед
Пусть грянет свет!

НАСЛЕДИЕ

Оно — не россыпь щебня у дорог,
А чистый жемчуг, потаённый в речке.
Оно родится с отпечатком ног:
Твои следы — наследия предтеча.

Да мы и сами, в сущности, малы:
Одно людское племя в целом свете мы.
Не возжелайте ближнему хулы:
Мы все — крупинка божьего наследия.

Пусть не устанет мой язык хвалить
Чутьё и вкусы прадедов умолкнувших:
Могли же место выбрать, чтобы вбить
Под доброе жилище первый колышек!

Земля какая, воздух — благодать,
Любуясь родниками, небом, рощами!
Да разве можно это променять
На самые манящие сокровища!

Не обманись, браток, и не ропщи,
А приготовься следовать за нами ты.
Давай-ка поднатужься, притащи
Ты сам камней для общего фундамента.

И будем строить вместе, не спеша,
Смотри вперёд — судьба сияет дальняя.
Я от цены не скину ни гроша:
Я на Казань поставлю максимальную.

За шагом шаг прокладываем след
И умножаем прадедов наследие.
Казань стоит вторую тысячу лет,
Аллах, даруй ещё тысячелетия!

ИЮньСКИЙ СОЛОВЕЙ

В канун июньского тепла
Стихами дышит вся природа —
И вот ко мне, забыв дела,
Явился Пушкин, как свобода.
Взбежал легонько на крыльцо
И распахнул он в доме двери,
А я не смел поднять лицо,
А я глазам своим не верил.
О золотое божество,
Кто я ему, скажите, други?
И звон бубенчика его
Был, верно, слышен всей округе.
А он сказал:
— Ну здравствуй, брат,
Веди же в красный угол дома,
Стакану пунша очень рад —
Отныне будем мы знакомы!
Я тру в волнении свой лоб —
Кажусь для этих гонок старым,
А мой забавный эфиоп
Шумит весёлым самоваром.
Вольно же дерзкому играть!
Вот, говорит, подав тетрадь,
Читай написанное смело:
Царём татарина я сделал.
«Татарин» написал и «царь»
Я про Бориса Годунова.
Быть может, я такой бунтарь,
Что и моё бунтует слово.
Да, мы бунтуем и поём —
А ты проснись, уж светел дом,
Приподыми главу с подушки,
И помни, как во сне твоём
С июньским спорил соловьём
Сегодня Пушкин.

IMPRESSIA

С грустью на чёрную иву смотрю:
Стала от чёрного ливня рябая.
Не упрекайте вы иву мою —
Ива рябая мне грудь обжигает.

Вот она, милая, смотрит на лист
Зыбкого озера — дождь полосует —
Будто художник-импрессионист
Чудное что-то по глади рисует.

И преклонила колени свои
На берегу и, в дожде утопая,
Что-то поёт — о судьбе ли, любви —
Чьи же черты на воде проступают?

Может быть, самый последний портрет
Пишет она на холсте полноводном,
Глядя ветвями дрожащий мольберт
И изгибаясь под ветром холодным.

Только меня не рисуёшь, говорю,
Я ведь и сам, словно ива рябая.
Не отрываясь, смотрю и смотрю:
Ива рябая мне грудь обжигает,
Чёрная ива мне грудь обжигает.

ИНТЕРВЬЮ С ЧИНГИЗОМ АЙТМАТОВЫМ

(К фотографии, снятой на телестудии)

Сотнями адских солнц Люкс полыхал,
Горевших в подсвечниках.
Камеры-людоеды, ворвавшись в зал,
Схватили в тот вечер нас.

Объективом-чудищем быть проглоченным
Суждено, видимо, мне.
Мастер по превращению всего в ничего —
Телевидение.

Кажется, я до сих пор в страхе былom,
Колени мои дрожат.
Незаметно для зрителей, под столом
Ты руку мою пожал.

Заговорил, мыслям моим вторя,
Придвинув к плечу плечо,
О том, как были ухабы истории
Прадедам нипочём.

Я пронёс тепло ладони твоей
Через года, холода.
Узы Великого Братства людей
Почувствовал я тогда.

Смотрим вдвоём с экрана тех дней,
Как самые близкие;
Сзади стоит Казань, а перед ней —
Узоры киргизские.

КАМЕНЬ МУДРОСТИ ХИКМАТ

Разбиваются думы о чёрный колодец ночей,
Драгоценный Хикмат не предстанет пред светом очей.

А надежда, как сабля, висящая на волоске,
Лишь подскажет, что камень не тот остаётся в руке.

В летаргии — полмира, в пороках — оставшийся мир.
Только я, неразумный, печаль изливаю в эфир.

Может быть, я лишь муха, что села на купол чужой,
Но пока бьют по заду, и, значит, пока что живой.

Хорошо, что у них за заботами времени нет,
А прихлопнут — то всюду останется розовый след.

Что твоя им судьба, что твоя им печаль и язык?!
Вот бы свежего ветра — от дум я тяжёлых поник.

— Бык издох, и телега сломалась — так что же сейчас?
— Значит, будут дрова, и огонь, и варёное мясо у нас!

Драгоценный Хикмат не могу отыскать, очень жаль,
Только горестно в сердце колодезный бьётся журавль.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

*(После прочтения в больнице книги
Роберта Ахметзянова «Древо жизни»)*

Обычная тонкая книжка, казалось,
Такие я сотни листал.
Но что-то случилось, но что-то сломалось,
Расплавился в сердце металл.
И будто вспахала незримая сила
Эмоций моих целину —
И охала книга, как будто просила
Её не оставить одну.
От грохота жизни она колыхалась,
Летели дожди и снега,
И воздухом этим так славно дышалось,
И чуяла травы нога.
Ах, молодость, как же ты нас увлекала
Нашествием бурь и штормов!
Ты стоишь сегодня моих запоздалых
Восторженных тысячи слов.
И, кажется, это моё по бумаге
Гуляло перо поутру,
Но в мире никто не услышал бедняги,
Кричавшего «SOS!» на ветру.
Однако позвольте — пыхтящий, уставший,
Один богатырь мне помог,
Горячим дыханьем меня обжигавший —
Но пусть отдохнёт между строк.
Ведь мир этот хрупок, и лёд ещё тонок,
И многое нужно успеть.
Я нюхаю ветер, ведь я — тюленёнок,
Он — белый полярный медведь.

ИМЯ ДОЧЕРИ

— Что случилось с тобой, цветок,
Отчего ты печален стал?

— Догадаться и сам бы мог:

Ты же дочку цветком назвал!

— Что в головку ты взял себе,

Просто девочек так зовут!

Если дочка растёт в семье,

И цветы хорошо растут!

— Что ты катишься, солнце, прочь

И за облаком прячешь грусть?

— Ты же солнышком кличешь дочь,

Значит, я уже не гожусь.

— Ах ты, глупенький солнца круг,

Кличут девочек так любя!

Самой лучшею из подруг

Будет девочка для тебя!

— Что ты, звёздочка, так тускла,
Словно выцвела от потерь?

— Ты же звёздочкой дочь назвал,

Кто же я для тебя теперь?

— Ах ты, звёздочка, ах глупыш,

Так дитя назовёт любой.

Подрастёт она, погоди ж,

Будет тайны делить с тобой.

— Отчего не взошла, луна?
Без луны ведь и ночь не ночь.
— Видно, я уже не нужна,
Раз луной называешь дочь.
— Ах луна, ты в обиде зря:
Имя дочери так светло.
Знай, ей дарит цветы земля,
Чтоб украсить твоё чело!

РУЧЕЙ

Вешние воды всё звонче,
Громче журчат на дороге,
Будто, звеня в колокольчик,
Мчится шалун босоногий.

Каплю за каплей вбирая,
Верен весенней природе,
Как же он путь выбирает?
Как же он реки находит?

Горы ему не преграда,
Их обходя, он хохочет,
Каждому встречному рад он,
Весело камушек точит.

Вырос в земной колыбели,
Вскормленный ласковым солнцем,
Он безоглядно и смело
В дальние дали несётся.

И, увлекаем теченьем,
Вдруг на ладони мне брызнет —
Да ведь и сам, как ручей я,
Только бегущий по жизни.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Я наблюдал морей стальную волю
И кипарисов южную красу,
Но мне милей всего ржаное поле,
На алой зорьке пьющее росу.

Я был в садах с заморскими плодами,
Вдыхал цветов пьянящий аромат,
Но что сравнится с отчими краями,
Где я бывал счастливее стократ!

В простом домишке маленькой деревни
Пишу стихи у старого крыльца,
И сколько б я не пел о ней, наверно,
Моим стихам и песням нет конца.

И в этих песнях аисты на крыше
Для доброго семейства гнёзда вьют —
Я каждый вечер в каждом доме слышу:
У колыбелек — матери поют.

Прожив немало лет на белом свете,
Я понял, что дороже и ценней
Не золото, а дом, в котором дети,
И небо над деревней моей.

УБЕДИ

Я, наверное, резкий и злой,
Но и робость таится в груди,
В том, что нрав у меня золотой,
Убеди ты меня, убеди.

Пусть волна, облик мой отразив,
«Не красавец», — промолвит звеня,
В том, что я и высок, и красив,
Убеди, убеди ты меня.

Может быть, не о том я пою,
И порой нужных слов не найти, —
В том, что я тебя очень люблю,
Убеди ты меня, убеди.

Я поверю в тебя, словно в жизнь,
Я твои оправдаю слова,
Только прежде сама убедись,
Что ты любишь и, значит, права.

ГДЕ ЖЕ ТЫ БЫЛА?

Где же ты была,
Милая моя,
Почему тебя
Не увидел я?

Как же не узнал
Улицу твою,
Дом твой не нашёл
Я в родном краю?

Был в дороге я
Много лет подряд,
Но позвал меня
Твой лучистый взгляд.

Как тебя зовут,
Я ещё не знал,
О тебе одной
Я в пути скучал.

Каждый новый день
Доверял судьбе,
Песни все мои
Были о тебе.

А сегодня ты
Вдруг произнесла:
— Ведь и я тебя
День за днём ждала.

Всё ждала, пока
Обойдёшь весь свет.
Где же ты ходил
Столько долгих лет?

ИЗ ДНЕВНИКА ПАМЯТИ

(По мотивам книг, писем и биографии Наби Даули)

Кружка воды

Успею ли поведать вам об этом,
Пока ещё часы мои идут?
Я помню скорбь обугленного лета
И лающее «русские, капут!»

Печально колосился хлеб несжатый
На белорусской выжженной земле,
И рано поседевшие солдаты
Брели по окровавленной золе.

Вели нас по деревне друг за дружкой,
Упавших отправляя на покой...
Не позабыть растоптанную кружку,
Протянутую детскою рукой.

О, страшное беспомощное время,
Оно палач, оно не исцелит,
Глаза закрою — на краю деревни
И день и ночь — та девочка стоит.

Фотография

Память моя, записавшая годы на свитки,
Скорбный багаж до последнего срока не тронь.
...Всё отобрали, ощупывая до нитки,
И фотографию доченьки принял огонь.

Так ли в минуты отчаянья Господа просим,
Так ли стихия с тобою задышит одним —
Ветер спасительный в сторону снимок отбросил,
Старый немецкий вояка склонился над ним.

Что же ты, сердце, колотишься не по уставу,
С пленным солдатом лицом оказавшись к лицу?
Старый вояка три пальца зачем-то расставил
И протянул фотографию дочки отцу.

Что же такое, да что же такое сказал он?
Кто-то ответил: да тут и в словарь не смотри.
Ты, мол, солдат — но и я тебе равный по званию.
Дочь у тебя — у меня подрастает их три...

Побег

...Млечный Путь... Давно ли шили
серебристой нитью гуси
Твой узор и, улетаая,
звонко так перекликались?!
Срок придёт — они вернуться.
Ну а я смогу, вернусь ли?
Что-то стискивает сердце.
По щекам стекают капли.

Задержись, моё мгновенье,
ведь ещё туманны лица
В поманившем гостя доме
у картофельного поля,
Не видна пока повязка,
где на белом крест когтитя,
И остались ровно сутки,
ровно сутки до неволи...

Время наших надежд

На цементном полу нас мороз колотил и калечил,
Нас промеривал страх сорока неизбежных смертей.
От хороших вестей нам дышалось свободней и легче,
Даже в жутком тифу мы таких ожидали вестей.

Время наших надежд на победном текло циферблате,
Да и как не поверить в последний решительный бой,
Если нашей рукой из соломы плетёные лапти
Обувал и фашист той ужасно холодной зимой.

Часовщик и кузнец, и жестянщик, и плотник, и токарь
Мастерили в плену — нам сдаваться нельзя нипочём —
Мы сражались за жизнь и ковали победу над роком
Деревяшкой, жестянойкой, осколком стекла, кирпичом.

Грелись песнями мы... Знали край, да не падали духом,
Ведь на той высоте и проходит полёт журавля.
А ушедшим во тьму — на века, на века будет пухом
Просолённая болью, политая кровью земля.

Вдали от Родины

О, сколько ещё не пройдено?!
Закрылась вагона дверь.
Прощай, дорогая родина,
Куда нас везут теперь?

Постригли и «обилетили»,
Оттиснули пальцы рук.
«Какое это столетие?» —
Шептал перед смертью друг.

Ни формы теперь, ни звёздочек,
Хранивших пожар войны.
Как будто до самых косточек
На рабство обречены.

Уж лучше бы в окружении
Не выйти из-под огня!
И плакало отражение,
Не узнавая меня.

Звенят топоры с лопатами,
И земли в ответ гудят.
Дорога до сорок пятого —
Сквозь каменоломен ад.

Письмо любимой

Здравствуй, моя родная!
Сколько суровых лет
Нас разделило. Знаю,
Что не прочту ответ.

Знаю, меня ждала ты,
Страха неся печать,
Но иногда солдаты
Обречены молчать.

Как же отраднa воля
Мне на земле отцов! —
Месяц назад всего лишь
Видел я смерть в лицо.

Тысяча дней — не малость
В перечне страшных вех.
Сколько друзей осталось
В каменоломнях тех...

Милая, не печалься,
Не упрекну ни в чём —
Сердце не запечатать
Намертво сургучом.

Не дождалась — прощаю...
Слышишь, ликует май!
Здравствуй, моя родная!
Радость моя, прощай...

Судьба

Я в девять сиротою оказался,
Но выстоял без хлеба и без ласк.
Одним плечом на Булгар опирался,
Другое мне поддерживал Билярск.

Примерив опоясок Черемшана,
Потуже затянулся кушаком.
Судьба, уже просчитывая шансы,
Сигналила детдомовским флажком.

И я, хлебнув царицынского детства,
В печах Донбасса превращался в сталь.
Мне землю с небом — новое наследство —
Восточная отмеривала даль.

И в самой безнадежной топке века
Я выжил, всем прогнозам вопреки,
Не для того ль, чтоб имя человека
Прожгло в конце любой моей строки?

Наша весна

Будто разом закончился дождик,
Будто в роше запело сто птиц, —
Ты меня в немудрёной одежке
Разглядела средь множества лиц.

И подолгу глядишь, не мигая,
И всё ярче во взгляде пожар, —
Как могу я, моя дорогая,
Твой принять ослепительный дар?

Кто я здесь? Заблудившийся странник,
Как шурфы, пробивающий тьму.
Или целого мира изгнанник,
Не солгавший ни разу ему?

Милый локон, что вьётся упруго,
Не могу я тоской распрямить,
Но готов я с тобою, подруга,
Счастье будущих дней разделить.

Сколько их, замечательных, вешних
Ожидает нас в каждом году!
Для пернатых скитальцев скворечни
Мы с тобою развесим в саду!

ПРАВДА

Ты в мире правды не найдёшь,
Мир от рождения — одна сплошная ложь.

Осталась правда в том краю,
Где солнце песней славит родину свою.

Не зная о добре и зле,
Рассеял гуннов* ветер странствий по земле.

Ведь дети солнца рождены,
Чтоб стать хозяевами солнечной страны.

Рекой столетия текли,
Чужие песни плыли, будто корабли.

Нужды в родных напевах нет:
В мечях и луках — сила гуннов, их секрет!

К чему нам песен канитель —
Земля, красавицы и золото — наша цель.

...Кто ради золота жить привык,
По ветру веру свою пустит и язык...

Остались ныне без души
Не дети солнца, но потомки глупой лжи...

* Гунны — от слова «гун», т. е. «солнце».

ЛИСА И ПЕТУХ

(Басня)

Лиса богата на уловки,
Дивишься хитростям плутовки.

Однажды ловкая лиса,
Платок смиренно повязав,

Очки поправив, с видом кротким
Пошла, перебирая чётки,

К почтенным людям на меджлис*,
Где без неё не обошлись,

Ведь у лисы — ума палата.
О, как прочтёт она аяты,

Как сладкой речью всех прельстит —
Обильный стол уже накрыт!

В мечтах скорее поживиться
Подходит к дереву лисица

И чует аппетитный дух —
Сидит на дереве петух.

Мысль о меджлисе неплоха,
Но как оставить петуха?

* *Меджлис* — сбор людей с проведением обеда у татар для наречения имени ребёнку, поминовения умерших родственников и т. п., где мулла читает аяты из Корана и ведёт назидательные речи о том, как укрепить религию ислам.

— Эгей, дружок, скорей спускайся,
Намаз исполнить собирайся —

Азан* я слышу над селом,
Давай помолимся вдвоём.

К увещеваньям лисьим глух,
О чём-то думает петух...

Потом за дерево кивает
И так лисице отвечает:

— Взгляни, ханум, получше — там,
Уставший, крепко спит имам.

Как без него молиться будем,
Давай-ка мы его разбудим.

Лиса прищурила свой глаз —
О петухе забыла враз.

И — след простыл в мгновенье ока:
Там пёс лежал неподалёку.

Петух безбожнице вослед:
— А как же твой намаз в обед?!

Кричит плутовка в отдалении:
— Мне нужно сделать омовение...

Далёк обман от петуха —
Доводят плутни до греха.

* *Азан* — призыв к молитве.

Певцу зари намаз не нужен,
Вагаз* бывает часто скучен.

Но есть на свете бог другой,
Он — солнца свет над головой!

* *Вагаз* — проповедь муллы.

КЛЯТВА

Пришла война, и с ней пора разлуки,
Гудит земля у дома моего.
Вот — мой ребёнок. Взяв его на руки,
Клянусь тебе, как матери его.

За эту кроху, за тебя, родная,
Иду на бой, оружие сжимая,
За Родину, которую люблю,
И ни на шаг назад не отступлю.

Давай простимся, как в последний раз,
На жизнь вперёд друг друга обнимая.
Моё дитя с меня не сводит глаз,
Как будто всё на свете понимает.
След молока остался над губой
У малыша, рождённого тобой.

За нашу кроху, за тебя, родная,
Иду на бой, оружие сжимая,
За Родину, которую люблю,
И ни на шаг назад не отступлю.

ЗАРОЖДЕНИЕ

Быть у жизни в хвосте не резон,
По дорогам шагая.
Устремляя глаза в горизонт,
О своём размышляю...

Я, наверно, рождён от огня, —
Тело пламенем пышет:
Прикоснусь, и пронзает меня
Лучезарная вспышка...

Я, наверно, рождён от воды, —
Так душа закипает.
Плещут чувства, на сердце следы,
Как рубицы, оставляя...

Может быть, я от ветра рождён
И на крылья подхвачен, —
Потому что душа, как и он,
Завывает и плачет.

Я, наверно, от мысли рождён,
Ибо — миг — и не здесь я..
Всею душою своей устремлён
В высоту поднебесья...

Я от музыки грустной рождён, —
Потому и печален..
Так по волнам рыдающим чёлн
Неизбежно качает.

Может быть, родила меня песнь,
Что плывёт над долиной..
Я землёю рождён, ибо есть —
Первородная глина!

ОПУСТОШЁН...

Так мало прожито и мало пережито —
Едва оттаявшие почки так нежны...
Ещё готовлюсь я шагнуть в пока сокрытый
Чертюг весны!

Ещё не ведал я, любимая, не верил,
Что в мире есть такое солнышко, как ты.
И были дни мои прекрасны в полной мере
И золоты!

Так мало пройдено, и, может быть, подчас я
Смонадеян был, собою обольщён...
И вот теперь, как будто ветром, в одночасье —
Опустошён!

До слов признания — порядок не короткий,
Но не сверну с дороги, вверенный судьбе.
Сжимая зубы, нанизав слова, как четки,
Иду к тебе!

Моя весна...
И в переборе чутких чёток —
Звенят ручьи, кипит сирень, играет кровь!
Ты — ясноглазое предвестье звездочёта,
Моя любовь!

Так мало прожито и мало пережито —
Побеги юные в груди моей нежны...
Ещё готовлюсь я шагнуть в пока сокрытый
Чертюг весны!

ЦВЕТНАЯ ОСЕНЬ

С жёлтого неба слетают горячие листья,
Капают небо листьями... На серебро...
Огненный кнут опалает зелёную землю —
И обожжённые травы никнут пестро.

Ветер, слегка приутихнув, дух переводит,
Видно, готовится к новому выражу.
В строгом безмолвии день на ногах засыпает...
Я — разноцветными снами
В осень вхожу...

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ГОДА

Фидани

Зима.
Избушка.
Лунные лучи.
Ваниль духов — ты рядышком совсем.
Из радиолы
Музыка звучит
И Джо Дассен.

Ты — королева
Лунных колесниц!
Гляжу в глаза, на нежности не скуп,
И «Незнакомка»
Блоковских страниц
Слетает с губ...

Предновогодье!
Звуки так чисты.
В твой кубок эту музыку налью!..
Через минуту
Мне на ухо ты
Шепнёшь:
«Люблю».

ПРОМОКШАЯ ЛЮБОВЬ

И хлынул дождь. Он шёл стеной,
Неистовый и одержимый.
До нитки вымокнув с тобой,
Обсохнуть в дом к тебе зашли мы.

Мокра одежда, но зато
Сухими были чувства наши.
И в тесной комнатке никто
Не знал, что будет с нами дальше.

Умчался дождь, сады омыв,
И город освежил свой облик.
...Одежда высохла, а мы —
Смущаясь, отчего-то взмокли.

ПОТРЯСЕНИЕ

Разве ошибками ты заплатить готов —
Чтобы всё потерять?!
Я не найду никак целительных слов —
Чтобы тоску унять.

Мир неуютен, дни без тебя — ничьи,
В окнах одна печаль.
Всё бесполезно: волком ли вой, кричи —
Осиротела даль.

Нынче я не прислушался к соловью —
И разучился петь.
Господи, подскажи, как вину свою
Мне позабыть, стереть.

Падают звёзды, рассветы сменяют тьму —
Торят по кругу путь.
Разве ошибками надо платить Ему —
Чтобы любовь вернуть?

ДНИ В УЗЕЛКАХ

Могут ли быть чёрные дни?
Вздых приготовь.
Чёрную кровь гонят они,
Чёрную кровь.
Чёрной рекой льются они,
Раны души.
Как пережить чёрные дни,
Ты подскажи.
Как пережить, раны души
Не теребя?
В самое сердце я поспешил
Ранить тебя.
Вижу теперь: бьются огни,
Плачет гроза.
Дни в узелках — чёрные дни —
В грустных глазах...

ЧТО СУДЬБОЙ НАЗНАЧЕНО...

Что мне судьбой назначено,
Что жизнью мне отмерено?
«Где прячется любимая?» —
Спрошу луну растерянно.

Не тщетны ли взывания?
Луна не кажет облика —
Запряталась кудесница
В лазоревое облако.

Отыщем ли заветное,
Что в сердце мы лелеяли?
С единственными милыми
Разлуку одолеем ли?

Что нам судьбой назначено —
Придёт, необоримое:
До выдоха последнего
Я жду тебя, любимая.

Я ВЫХОЖУ НА СВЕТ...

Я выхожу на свет, ещё не стар,
И, увлечённый времени потоком,
Читаю по глазам влюблённых пар
Послание из юности далёкой.

Я выхожу на улицу — хочу,
Чтоб юность снова подарила крылья...
И я тогда до самых звёзд взлечу,
Виски осыпав серебристой пылью.

Я в мир ступаю, чтобы молодеть
И оживлять воспоминаний строки.
Все песни, что готов сейчас я спеть, —
О юности счастливые намёки.

ПТИЦЫ, ПАРЯЩИЕ В НЕБЕ

Птицы, парящие в небе,
Находят друг друга?
Мы разминулись, ошиблись —
Не вышли из круга?

Птицы, парящие в небе,
Куда улетают?
Разве они, как и мы,
Безнадёжно страдают?

Птицы, парящие в небе,
Где ваше гнездовье?
Помнишь ли ты, как меня
Согревала любовью?

Птицы, парящие в небе, —
Нет пары нежнее.
Те, с кем мы делим судьбу, —
Нам дарованы ею...

ОДУВАНЧИКИ

Ах, как быстро время-молодость летит,
Оглянуться, осмотреться не успели...
Мчались кони по тропе, из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

Одуванчики летели, одуванчики...
Мчались кони... колыхались султанчики...
Как хотел я это время удержать —
Одуванчики цвели, выросли мальчики...

Мы рассеялись дорогами судьбы,
Только кони в нашем сердце уцелели...
Мчались вихрем кони, а из-под копыт
Одуванчики пушистые летели...

И другая юность так же пролетит,
И другие кони так же вдаль умчатся.
И от звона их стремительных копыт
Одуванчики другие разлетятся...

Одуванчики взлетают, одуванчики...
Мчатся кони... колыхаются султанчики...
Разве кто-то сможет время удержать —
Одуванчики цветут, взрослеют мальчики...

ДВА ОДИНОЧЕСТВА

В небе ночном, таинственном
Звёзды горят мои...
Знаю, что одиночество
Тоже знакомо им.

Звёздочка одинокая,
Как мы близки сейчас...
Я на земле и в небе ты —
Каждый грустит из нас...

Светят два одиночества,
Нежности не тая.
Сердце моё из пламени,
Искра — душа твоя.

Оба мы одинокие...
Парной была б когда —
Ты бы меня окликнула:
«Здравствуй, моя звезда!»

Звёздочка одинокая,
Как мы близки сейчас...
Я на земле и в небе ты —
Каждый грустит из нас...

ВСЕ РАССВЕТЫ И ВСЕ ВЕЧЕРА

Все рассветы и все вечера
Гонят в сердце кипящую кровь...
Дорогая, признаться пора:
Только ты пробуждаешь любовь.

Как же вышло, что выпало вдруг
Нам в трёх соснах с тобой заплутать.
Птицу счастья из трепетных рук
Невозможно в чужие отдать.

Поросли все тропинки травой,
Затуманились воды реки...
Остаётся грустить под луной —
От тебя ни единой строки.

Опрокинувшись, синяя даль
Растекается каплями звёзд...
Мою душу объяла печаль
Неподъёмною тяжестью слёз.

ИСКУШЕНИЕ

Я только сам себе понятен
И знаю сам, каков я есть.
Во мне немало белых пятен
И чёрных дыр в душе не счесть.
Казалось, вовсе нет причины,
А я и плачу, и смеюсь:
Зачем-то с радостью мужчины
Рука об руку ходит грусть.
И безошибочный, и правый,
Внезапно дам обратный ход,
Из-за спины порой лукавый
Меня подначивать начнёт.
Как уберечься от ошибок?!
Как искушенья избежать? —
Когда туман болота зыбок,
Когда ни кочки не видать.
Вопросам этим злободневным
Счёт утомительный веду
И только в песне задушевной
Я утешение найду...
..Очнусь в ночи от шума ветра —
Мелькнёт мучительная тень.
Едва дождавшийся рассвета,
Переживу ли новый день?

СЕРЬГА

Подобный лишь только Халилу, джигит
Нырнёт и достанет пропажу:
В озёрной глуби полумесяц блестит —
Серьга Всеволодычицы нашей!

КОШКА

(Из Фазыла Хусни Дагларджи)

Вверя дверь шекодам и ключам
и прикрывая шторами окошко,
одни лишь вдовы
слышат по ночам
по лестнице крадущую кошку.

ЕСЛИ ВОЗМОЖНО...

Брошу
белый кораблик детства,
пуговку платья милой,
всё, что со мною было, —
не отвернется —
в память!

Брошу
ворох моих ошибок,
нежность очей раскрытых —
в жаркое сердце, ибо
пусть поглотит их
пламя!

Брошу
доблести и пороки —
всё, что во мне хранится, —
в дерзкие эти строки,
чтоб возродиться
с вами!

Если это возможно.
Если возможно...
Если...

КАК МНЕ СТАТЬ ОГНЁМ?

В какой-то день, какой-то час
Огонь в судьбе моей погас.
И вот впотьмах блуждаю я
По переулкам бытия.

Но как не сбиться мне с пути
И как ошибки обойти?
Как самому в ночи и днём
Мне стать негаснущим огнём?

СВЕЧИ

Зажёг я свечи, чтобы дом
Светлее стал в ночи.
Дрожала тень под потолком
Танцующей свечи...

Ах, свечи, всполохи огня,
Я так же тьме открыт:
Пылает сердце у меня,
Как вы, оно горит.

Кто знает, может быть, и ты
Мечтаешь обо мне,
Раздвинув скуку темноты
Сиянием огней.

Пылает сердце, плачет тень...
Я сам свеча в ночи?!
Кричу «скупаю по тебе!»
На языке свечи...

Ах, свечи, всполохи огня,
И я любви открыт:
Пылает сердце у меня,
Как вы, оно горит.

ТАЛЫЕ ВОДЫ

Весеннее, мощное таянье снега,
Журчание рек и ручьёв...
Неверный сезон, примеряющий негу,
Ещё временами суров.

Звонящие, бурные эти потоки,
Круша ледяные холмы,
Уносят с собою надежды, упрёки
Угасшей старухи-зимы.

Похожи на ярость вчерашнего марта
Безумные мысли мои.
В бездонное море грядущего завтра
И думы текут, и ручьи...

* * *

Струится сумрак голубой
И к свету льнёт.
Подушкой кубовой любовь
Застелет свод.

Склоняем головы свои,
Молясь луне,
И растворяемся в любви,
В лиловом сне.

...Струится с неба белый свет,
Вбирая ночь.
Подушка сменит прежний цвет,
Исчезнет прочь.

Заденет синим уголком
Рассвета сень.
...Проглотит, дрогнув кадыком,
Нас новый день.

ДЕВУШКА ЗУХРА

На жёлтой лодочке луны
По глади озера плывёт
Прекрасноокая Зухра —
Как лучезарен лик её!

И коромысло — на плече,
На коромысле — два ведра.
О чём задумалась в ночной
Тиши красавица Зухра?

Кувшинки звёздные цветут
На тёмно-синей глади вод...
Головку к озеру склоня,
Зухра прекрасная поёт:

— На полумесяце плыву —
Чтоб тайну озеру открыть.
Печаль сердечную мою
Ночной ли влагой утолить?

РУБАИ – ЛИСТОК ЗА ЛИСТКОМ

*

Как божественны холмики этих грудей! —
Ах, не сглазить бы, нет их на свете нежней.
Дорогая моя, что бесстыднику скажешь,
Если я прикоснусь к драгоценности сей?!

*

«Ты — находка», — чирикал тебе я зарёй,
Соловьём заливался вечерней порой.
Но в постели усну и твой выдох услышу:
«Чудо в перьях, откуда ты взялся такой?»

*

Все надежды, которые в сердце хранил,
Я сегодня, как чашу о камень, разбил.
Это ты, разрывая мне душу, промчалась
На машине, что спонсор тебе подарил.

*

Изменился немного годам к сорока,
И в глазах расплывается часто строка.
Но оставляю читать и на улицу выйду —
Замечаю красавицу издалека.

*

Мы мечтали о девушках юных в ночах,
Не чурались хмельного на шумных пирах...
А теперь в головах ни одной грешной мысли —
Только кипа анализов есть на руках.

*

Будет перепись душ, я услышал на днях —
Взял перо и бумагу, стихи учиня.
Вдруг, душа моя, ты ворвалась в эти строки
И взмолилась: «Ты лучше пиши про меня!»

ПОСЕРЕДИНЕ ЖИЗНИ Я СТОЮ

Посередине жизни я стою...
Гляжу назад — за мной толпятся вёсны,
Передо мною — осени поют,
Ещё нам петь и сочинять не поздно!

Посередине жизни я стою —
Как хорошо купаться в щедром лете:
Ну где ещё, в каком ином раю,
В каких лугах такое разноцветье?!

Посередине жизни я стою...
И облака вдали белы, как блюда.
Качает ветер так лазурь мою,
Что через край лучи светила льются!

Посередине жизни я стою
И к горизонту очи устремляю...
Господь позволит, и тропу свою
До той черты небесной продлеваю!

Посередине жизни я стою,
И кажется, что я мудрее многих...
Со мною кто-то рядом... узнаю —
Ведь это я, мальчишка босоногий.

Посередине жизни я стою —
Душа слезами радости искрится...
Зайчишкой вдруг дыханье затаю —
Куда бы мне от старости укрыться.

Посередине жизни я стою...
И всё вокруг кипит, всё жизни радо...
...Я памяти на откуп отдаю
Росистых трав мальчишечью отраду.

НОЧЬЮ НА БЕРЕГУ

Ясные звёзды, лучистые звёзды
В речке находят утеху.
Кружевом ряби подёрнуты воды,
Сыплют серебряным смехом...

Ясные звёзды садятся на волны
И, разбиваясь на пары,
В море любви уплывают безмолвно —
Лёгкок трепещущий парус.

Алые звёзды и белые звёзды
Душу с душою венчают.
В час одинокий, торжественно поздний,
Грусть мою в волнах качают.

Яркие звёзды тропой золотою
Входят в речные пенаты.
Незаходящею белой звездой
Будешь всегда для меня ты.

ПЁРЫШКИ ТРЕПЕЩУТ...

Странная любовь у нас с тобою,
Всё не располагится, гляди:
Редко-редко небо голубое,
Чаще — бесконечные дожди.

Вот опять шальные ливни льются —
Засиять бы солнцу поутру.
Почему никак не разойдутся
Эти тучи? — я не разберу.

Знать, любовь, как птица, улетела
И исчезла в туче дождевой.
Кроме горстки перьев белых-белых,
Не осталось в сердце ничего.

Вот опять шальные ливни льются —
Засиять бы солнцу поутру.
И взлетают пёрышки, и бьются,
И трепещут в сердце на ветру.

ПЛАТЬЕ, ГОВОРИШЬ...

Завалена комната платьями —
Ты всё примеряешь подряд.
Смеёшься, оборки разгладила:
— Идёт ли мне этот наряд?

— Красавица! — ласково выдохну. —
В другой облеклась:
— А теперь?
И снова все платья раскиданы,
И весело мне и тебе...

Порхаешь по комнате бабочкой,
И кружишься, как стрекоза,
И зеркалу ты улыбаешься,
И смотришь лукаво в глаза.

Кокетка, о как соблазнительна
Ты станом тугим, молодым!
Отчаянно платья завидуют
Сестрицам надетым своим.

Хвала же тебя сотворившему
(Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, душа!)
К лицу ли наряд, говоришь ты мне... —
Ты и без него хороша.

БУДУЧИ ВЛЮБЛЁННЫМ...

Влюбиться и... не вымолвить ни слова...
Возможна ли такая немота?
Который день с упорством птицелова
Я ставлю сети чистого листа.

Таким, как я, молчание не ново,
Сколько задело белое крыло?
Проклятое одно лишь только слово,
Ты посмотри, всю душу извело!

Влюбись, как я — о, так замороженно
За светом по пятам шагает тень.
С улыбкою немного отстранённой,
Как дурачок, хожу-брожу весь день!

АХ, БАРЫШНЯ...

Ах, барышня...

Милая, жду тебя ночью во сне,
Гуляй в нём свободно, расхаживай, красная девица.
Мне только на это осталось, пожалуй, надеяться...
Ах, барышня, милая, жду тебя ночью во сне.

Ах, барышня, я не озябну, а коль задрожу,
Совсем не от холода — солнцем любви наполнясь,
На грудь твою голову,
Если позволишь, склоняю...
Ах, барышня, я не озябну, но всё ж задрожу.

Приснись мне, прекрасная дева,
С тюльпаном в руке...
Тебя подниму я до самой лазури небесной,
Потом искупаюсь с тобою в озёрах чудесных.
Приснись мне, прекрасная дева, с тюльпаном в руке.

Любезная барышня,
Стань предо мной наяву...
В часы свидений меня каждый раз навещаю,
Возлюбленной стань,
И блаженство блаженств обещаю,
Любезная барышня, стань предо мной наяву...

Ах, милая барышня,
Рядом будь ночью и днём!
Но не опоздай, умоляю, ведь может случиться —
Решись ты однажды:
Пора бы поэту присниться —
И некому будет...
...И явь не окажется сном.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШИ

Один вопрос преследует меня:
Ведь если нам бессмертие дано
И сверху виден след любого дня,
То кем я был давным-давным-давно?

Возможно, ханом или же рабом?
Пастух ли я, поющий песни гор?
А может, дервиш в облике моём
Идёт-бредёт по свету с давних пор?

Я зорким оком вглядываюсь в даль,
Через века выхватываю день,
Просеиваю каждого: не я ль?
И не моя ли там мелькнула тень?

Твердят: переселение души...
Я знаю, ей бессмертие дано,
Так пусть тогда откроется в тиши:
Ну кем я был давным-давным-давно?

В какой стране я жил? Кого любил?
Пылал от счастья, плакал от потерь?
А может быть, когда-нибудь я был
Таким же бесприютным, как теперь?

Твердят: переселение души...
Пытаюсь разглядеть издалека,
Из беспросветной нынешней глуши:
Ну кем я был в далёкие века?

Возможно, ханом или же рабом?
Пастух ли я, поющий песни гор?..
А может, странник в облике моём
Грядущий день всё ищет с давних пор?

НА ТРАВЕ РАССТЕЛИЛ Я РУБАШКУ

Седовласый старик водовоз
неуклюже, наверное, в спешке,
облака опрокинул в тележке...
Тут же вымокли
травы насквозь.

Солнце — в помощь:
лучи пригоня,
мир спасает, озябший и мокрый...
...Рассердился старик —
и под окрик
отстегал хворостиной коня...

...Что ж,
поправил ободья колёс —
путь повозки до вечера длинен —
где ещё ты её опрокинешь,
неуклюжий
старик водовоз?

Солнце шпарит.
И капли, шепча,
растворяются в недрах ромашки.
...На траве расстелил я рубашку —
и блаженствую в жарких лучах.

ЗРЕЛИЩЕ

Будто к берегу эту добычу прибила волна:
И лежит на лазурном песке золотая луна.

Да и сам я, похоже, родившийся на небесах,
Если лунное диво и утром сияет в глазах.

Что же это такое? Виденье, мираж ли луны?
Но я видел её, и сомнения отменены!

Головастики звезд я поближе хочу рассмотреть
И дыханьем своим голубые ледышки согреть —

В целом мире бушуют бураны, и кажется мне,
Обитатели неба озябнуть могли бы вполне.

Мир светлеет... И ветер как будто немного утих,
Успокоилась лунная рыба в лучах золотых.

Всё в порядке, и будто бы солнцу хватает всего,
Но уже раскалилась всю сковородка его.

Дышит белой тревогой... Ах, близок обеденный час:
Брызжет масло кипящее... Капает прямо на нас...

И с добычей своей попрощавшись, уходит волна.
Бьёт хвостом, трепыхаясь в песке, золотая луна.

ДЕТСТВО

Самому себе — сирота,
Самому себе я малец.
Самому себе — старший брат,
Самому себе я отец.

КРАСОТА

Невыносима красота,
Её терпеть не хватит сил...
Безумной этой красотой
Я только душу растравил!

...И вот уже душа в огне —
Не усмирить любовный пыл...
...Хотелось быть мне на коне —
Но вспрыгнуть не хватило сил.

ВЕСНА, ГОВОРИТЕ...

— Весна! — говорите вы. — Весна нежна! —
Пусть даже эта нежность — пятиминутка.
— Прекрасный лебедь! — выдумает она,
А вы-то знаете: это всего лишь утка.

— Весна! — говорите вы. — Весна ясна! —
Пусть даже в этот час облака сереют.
Душа молодой весны для меня ясна —
Постигнуть людские души стократ труднее!

— Весна! — повторяю за вами. — Весна красна! —
Алеют цветы, головками мне кивая.
Уверены вы: «Природа обновлена!» —
А я утверждаю: «Это я обновляюсь!»

— Весна! — говорю. — А впрочем, весна грустна —
Как яблонь опавший цвет на дорожках сада.
О том, что весенним яблоням не до сна,
Шептал лепестковый ветер на струнах саза.

— Весна! — говорите. — Лето! — отвечу я,
Хотя понимаю: осень в окно стучится.
А чьё здесь лукавство и чистая правда чья,
Расскажут потом летящие к югу птицы.

НИ ПЕРОМ ОПИСАТЬ

Пять домишек в деревне, и день выходной,
Улыбаются ставни зиме молодой.

Рассыпается снег — невесом, непочат.
Семь гусей у крылечка гогочут-кричат.

Воздух детства... Настолько он чист и глубок,
Что в душе не осталось ни капли тревог.

Я у старого озера. На берегу
Дремлют ивы светло, по колено в снегу.

Пряди их в серебре... А вокруг благодать —
Что ни в сказке сказать, ни пером описать.

ДЕНЬ. НОЧЬ. ЯВЬ

День. Я. Дом.
Явь не даёт покоя.
Чувства горят огнём —
снова в душе такое...
Этот вулкан страстей
не переспорить
солнцу!..
...Сноп огневой весь день
бьёт по глазам, смеётся...
Вот уж пылать невмочь
Фебовой колеснице!..
...Явь
поглощает ночь.
Но и в ночи
не спится.

ГЛЯДЯ НА КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Эти горы не спутать с другими,
Эти горы сравнимы с любовью:
Сколько раз они плакали, глядя
На долины, омытые кровью.

Вместе с ними мы тоже страдали
По истерзанной горем отчизне,
Обнимали могучие горы,
Наполняясь здоровьем и жизнью.

Эти горы дарили надежду
Даже в самой шальной круговерти
И учили быть гордыми, если
Оставался лишь выдох до смерти.

И стояли народы, как горы,
В полный рост, высоки и свободны.
И над ними стояли вершины,
Величавы, как эти народы.

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Чтобы не забыть, существуют звёзды,
Чтобы тосковать, существуют горы...
Я приду к тебе, потревожа память,
Сквозь безумный ливень и снежный вихор...

Чтобы не забыть, существуют снимки,
Чтобы тосковать, существуют письма...
Сколько недосказанных обещаний,
А пустых обетов и не исчислить.

Видно, я, увы, не такой хороший,
Быть белее белого даром думал.
Если ты попросишь меня присниться,
И во сне мне в белом не быть костюме.

Я в каком ты хочешь явлюсь обличье,
Только б нам с тобою не разминуться.
Ты позволь мне нежно и осторожно,
Словно яблок — белых грудей коснуться.

В сны твои безгрешные, молодые
Я приду без стука ночной порою.
Белоснежным бархатным одеялом,
Как любовью чистой, тебя укрою.

Чтобы не забыть, существует память,
Чтобы тосковать, существуют птицы.
То, что ты запомнить во мне хотела,
Может быть, всё это тебе и снится.

Я устроил жизнь, как оно сложилось,
Я собрал свой мир из обрывков счастья...
Написал стихи эти, жив покуда,
Не сердись, пожалуйста, не печалься...

ОДИНОЧЕСТВО

В комнате одиночества
Новый живёт жилец —
Мнительное пророчество,
Тонкой души ловец.

Дразнит меня сомнение,
Отдыха не даёт —
Дятлово говорение,
Глупый кукушкин счёт.

Что ему здесь за выгода? —
Шастает в пику мне
То от окна до выхода,
То от стены к стене.

В комнате с полутенями
Тает в окне звезда...
Бродит моё сомнение,
Ходит туда-сюда!

И до изнеможения,
Крика души живой
Взад и вперёд сомнение
Будет ходить за мной...

Я – СТИХИЯ

Я — стихия:
дно морское,
хранящее жемчуг,
ларь земли, где горят изумруды,
недра неба в мерцании звёзд.

Голубой океан рассекая,
проплывает торжественно Солнце,
золотой управляя ладьёй,
паруса облаков поднимая.

Ночь.
В её серебристой реке
умывается дева Луна.
Капли влаги с волос
упадают на землю.
И земля, и вода, и цветы —
мир ночных превращений...
Это всё —
лишь моменты моих ощущений.

Я — стихия:
плещет ярость,
её не сдержать берегам,
сумасшедшие льдины ревут —
половодье!
Хлещет дождь,
и неистовый огненный кнут
то и дело стегает по небу —
даль дрожит от метания молний...

Льётся музыка ветра.
Тяжелеет в колосьях зерно,
и природа ликует
под залиvistый голос гармонн!
Снег, сходящий с небес,
выбеляет холстину души.
Как божественно чист
путь любви и прощени...

Я — стихия! —
Это всё —
лишь моменты моих ощущений.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

На впалых скулах выползшей горы
Снегов осевших — кое-где бугры.
Вчера, сегодня ль —
не могу понять,
но шапка начала моя линять.

...Весна, похоже, набирает ход;
Толпится льдин девичий хоровод...
...А из моей перчатки, будто пёс,
Пытливый палец высунул свой «нос».

СЫН БАХТИЯР

Уже на пределе нервов я.
Поэма не сочиняется.
Есть поводы для волнения.
Вдобавок сынок мешается —
Войдёт и обратно топает,
Войдёт и обратно топает...

Уж ходит сынок туда-сюда —
И мне наблюдать приходится.
Не может никак уснуть, беда —
Похоже, что беспокоится,
Похоже, что беспокоится...

Волнуется он и мается.
И я одолён кручиною...
Поэма не сочиняется!
А ночь-то какая длинная —
Не видно конца и края ей,
Не видно конца и края ей...

...Бумага молчит. Неверная...
Как будто не хочет мне помочь!
Уже на пределе нервов я.
За шкуру схватить бы эту ночь,
Да и потрясти, как следует,
Да и потрясти, как следует!

Растянется ночь, растянется,
Дойдя до последней чёрточки —
Покуда стихи не явятся,
Пока не уснёт сыночек мой...
Пока не уснёт сыночек мой...

БЛАГОДАРЕНИЕ

Газинуру Мурату

...Мы не брали и снега белого
У других, не спросясь.
Очернить нас пытались недруги —
Не пристала грязь.

Разбросать нас по свету вздумали —
Только не удалось.
Чем сильнее давили, гнули нас —
Тем вольнее жилось.

Мы с тобою остались верны себе
В череду перемен.
Под колени нас били, только мы
Не склонили колен.

И не прятались в тень от трудностей,
Не смиряли сердца.
Мы сумели дожить до этих дней,
Не теряя лица!

БЕССОННИЦА

Сон в этот раз не сумел одолеть...
Я в одиночестве в ночь погружаюсь.
Плещутся чувства, пытаются петь,
Просятся строчками с пылу и с жару!

Невыносим этот маятный звон! —
Сердце томится, крича и ликуя...
Белыми вспышками я ослеплён:
Рифма одна прогоняет другую.

Дремлет палата — а мне не до сна:
Слово за словом откуда-то льётся.
Счастьем душа моя озарена —
Словно до края залитая солнцем.

Скоро рассеет рассвет облака,
Радостной вестью замрёт на пороге...
...С криком, ещё безымянны пока,
В мире рождаются новые строки...

И ТЫ ЛЮБИ МЕНЯ

I

Не сомневайся, что люблю,
Развей, как ветер, тучи дня.
Я от любви схожу с ума,
И ты люби, люби меня.

Мечтай и думай обо мне —
Пусть чувства снова затрубят.
Всегда — во сне ли, наяву —
Люби меня, как я тебя!

И восхищённого меня
Заставь молиться о тебе.
Люби безумно, как и я,
Люби, как равного себе!

Моей душой, надеждой будь —
Люби!
Но нет... я не прошу...
Истерзанное сердце я
Лишь новой болью сокрушу...

II

(Акростих)

Люблю — в первый раз несмело тебе говори**Л**...
Юность моя!.. Ты в забытом цветёшь кра**Ю**...
Бережно я касался любимых губ**Б** —
И до сих пор говорю тебе о люб**В**И.

Милая... ты расстроена... только че**М**?..
Если бы не достало красоты тебе**Е**...
Незачем сомневаться... Тобою пья**Н**,
Ярких ночей и дней не забуду **Я**.

Точно года нас новым счастьем даря**Т** —
Аллаха благодарю, что любовь светл**А**!
Кончатся дни — и умрёт серебристый зву**К**,
Живы покуда — буду тебе я муж**Ж**.

...Если любить ты будешь меня, как прежд**Е**.

А ОНА ВСЕГО ЛИШЬ НАВСЕГО ТРАВИНКА...

Посмотри с большой любовью на дорогу —
На луга и на бегущую тропинку...
Тыщи солнц одну травинку обнимали...
А она всего лишь навсего травинка.

Тяжелее муравья его поклажа —
Может стать, в десять раз и даже с лишком.
Как же силе не дивиться богатырской! —
А ведь он всего какой-то муравьишка.

Обгоняя быстрый ветер, мчится странник —
До каких земных краёв добраться хочет? —
Вот уже до самой тучи он поднялся,
А ведь это всего-навсего листочек.

Вот родник струёй студёною клокочет,
Он готов свернуть не абы что, а гору,
И ещё чуть-чуть — взметнётся он до солнца! —
А всего-то родничок бежит задорный...

С кулачок младенца пташка пролетает —
Рассыпая чудо-трели по привычке.
Как божественна мелодия природы —
А поёт всего-то птичка-невеличка!

Бороздит моря и ветры приручает,
Рассекает небеса и рвётся к солнцу,
Век за веком распечатывает время —
А всего-то человеком он зовётся.

КАРА ШЭМ – ЧЁРНАЯ СВЕЧА

Фаилю Шафигуллину

У прошлого зажгу я Чёрную Свечу,
Сияй же, Кара Шэм — о, колыбель Фаиля!
Там старый дом стоит, где мы когда-то были...
Фундамент, верно, цел...
(О чём сказать хочу?)

Я повторяю вновь два слова —
Кара Шэм!
Зачем тебя назвали Чёрною Свечою?
Наверно, сам Аллах ответит немотою...
Но здесь рождён поэт, чтобы светить нам всем.

Не Чёрная Печаль, а Чёрная Свеча! —
Тому, кто сам горит, даровано так много...
Пускай живёт в веках и светлый дар от Бога,
И колыбель поэта —
Чёрная Свеча!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧЕХОВУ, ИЛИ СКРИПКА РОТШИЛЬДА*

Надеясь в веке позапрошлом
Найти тепло и понимание,
Я взял и к Чехову вернулся,
Не сообщив о том заранее.

И вот мы с ним по Таганрогу,
Вдвоём, с душою нараспашку,
Бредём, беседуя неспешно —
Вдруг кто-то бросил мне: «Чеплашка!»

Видать, написано на скулах
Моё татарское начало.
А впрочем... чеховское время —
Пока другое не настало.

Оно придёт... В лице Союза...
В тисках унылого озноба...
Всё тот же «младший брат» вчерашний,
Всё та же кличка «гололобый»...

Ещё о вольном пела скрипка,
Ещё шептала только бабка...
(А между тем чины искали
По рангу норковую шапку!)

* *Скрипка Ротшильда* — намёк на одноимённый рассказ А. П. Чехова.

Узнать побольше о народе,
О настроениях Казани —
Каким-то чудом оказались
Они на Чеховском базаре...

Один берёт язык говяжий,
Другой берёт свиные уши.
...А скрипка Ротшильда всё плачет
И выворачивает душу.

БЕЗДАРНОСТЬ

Эй, бездарность, подними-ка руки! —
Кто ты, обнаружь себя уже:
В музыке ль, поэзии, науке,
В речи государственных мужей.

Не стесняйся, ты ведь так успешна
И жива, как притча на устах.
Все мы гениальные, конечно...
Все мы знаменитости... в мечтах!

Эй, бездарность, встань-ка перед нами!
Не мигает твой бесстыжий взгляд.
«Я сегодня властвую умами», —
Новый говорит лауреат!

Этот гордый голос всюду слышен,
Взор куда ни брось — просвета нет —
Правят бал бездарный доктор Флишман
И Гильванов, плохонький поэт...

Мы для них, наверно, измельчали,
Но уже бывало сколько раз:
Руку подаёшь — не замечают...
Деньги, деньги, деньги — вместо глаз.

Покажись скорей, грошовый гений!
Отзовись, бездарный депутат!
Порази гимноподобным пеньем,
Где словами сыпал невпопад...

Эй, бездарность, стройными рядами
Встань во фрунт, застынь и не кричи.
Я бы деревянные медали
«За бездарность!» — каждому вручил!

Я к тебе, бездарность, обращаюсь...
Боже мой, вас — целый легион!
Если среди вас я затеряюсь,
Даже Бог не сыщет... даже Он...

ВЕРНЫЙ ДРУГ

Ещё живу. Ещё надеюсь я.
Живут, но будто умерли, друзья.
Какое время странное настало —
Скупают дружбу по цене тряпья.

Как было хорошо, светло дружить —
За это стоит жизнь благодарить...
Друзья живут, но умерли как будто —
Когда их дружбу так легко купить.

Они живут, мертвы, а мир безумен,
Они меня сумели потерять,
А значит, я, живущий, — тоже умер!
(Но как всё это сердцем осознать?!)

Ещё живут, но — умерли друзья...
Ещё живу. Ещё надеюсь я...
Один лишь друг тебе остался верен —
И этот друг — поэзия твоя!

ПОЭЗИЯ

Кто́ ты — дитя ли, девушка ль нежная?
Может быть, спутница в цвете лет?
Часто одна на печаль безбрежную
Ты проливаешь свет.

Поэзия! Боль ты моя сердечная,
Кровоточащий порез души;
Пусть не покажется противоречием —
Я лишь тобою жив!

Поэзия! Ты — сестра милосердия,
Но и сама ты — милость богов!
Лучшей наперснице — сны и беседы, и
Слёзы мои, любовь!

Поэзия! Лунная дочь бессонницы,
Нежное солнце судьбы моей;
Дни — предсказатели звёздной конницы,
Ночи — пророки дней.

Поэзия! Шёпот небес услышанный,
Молнии одушевлённый след, —
Благодаренье моё
Всевышнему
Не иссякает, нет!

Поэзия! Ты — моё наслаждение,
Синяя птица из детских снов!
Как бы ни выразил восхищение —
Всё не достанет слов...

Поэзия! Бурные реки вечности,
Сполох негаснущего огня...
Жарким дыханием бесконечности
Ты обожгла меня!

РУБАИ

1

Молодою весной, в благодатных лучах,
Пробегала красавица с жаром в очах,
Два влюблённых с восторгом за нею бежали —
Это были глаза мои в толстых очках...

2

«Сладко веет весной, — поэт написал, —
Соловьями, черёмухой», — он написал.
Я же, бедный, не зная красивых сравнений,
«Веет юной соседкой», — вчера написал...

3

До чего хороша — всё на свете забыл!
Отвернуться — и то не хватает мне сил...
Сохрани тебя жизнь от ревнивого мужа,
Чтоб он хрупкую эту красу не разбил!

4

Ах, любимая, сон не избавит от дум,
Где на грудь твою голову нежно кладу.
Просыпаясь, ишу подтверждения грёзам —
Но ни ямки на простыни я не найду.

5

Ах, плутовка! Ты словно колодец с водой,
От которого спрятали ключ золотой.
Я поник — все попытки открыть бесполезны —
Засыхает без влаги побег молодой.

6

Я увидел тебя — покачулся порог:
Скачет сердце, а сам я не чувствую ног.
Полежать бы, прекрасная, только лишь ночку
На груди твоей, зайцем свернувшись в клубок.

7

Нашу юность с ума очень просто свести —
Даже пугало — девой могло зацвести!
Не забыты и ныне те страстные ночи,
Для домашних лишь только я благочестив...

8

Говоришь, я глупец, дорогая моя?
Ты права, но глупа ведь и песнь соловья.
Что люблю тебя, знает Казань, и не только —
И Москва, и заморские даже края!

9

Написал я стишок, возле милой кружа,
Буквой «Ч» по-особенному дорожа:
«Чернобровое чудо Чулпан-чаровница
Чик-чирикала чижиком, чуя чижя».

10

В полусне заметил такую газель,
Чьими формами я восхищаюсь досель.
Чтобы лучше все прелести взором окинуть —
Я сегодня в очках отправляюсь в постель.

11

Юность — время на небе созвездья считать
И у бабушки выпросить мелочь опять,
Зимней ночью гулять с щебетуньей милой
И одно эскимо на двоих уплетать.

12

Говорят, что закончилась молодость, — нет!
Бьётся сердце моё восемнадцати лет.
Не стареет душа — только тело стареет,
И хожу я в печали от прожитых лет.

13

Зря ты, доктор любезный, считаешь мой пульс,
Я лекарством от сердца, боюсь, не спасусь.
Есть другое лекарство, когда медсестричка
Прикоснётся — и тотчас я её улыбнусь.

14

Ты нырнёшь — я завидую этой реке,
И цветам, что колышутся в милой руке,
А сейчас сам себе я завидую пылко:
Дням, когда я тебя обнимал в уголке.

15

Есть немало имён для влюблённой четы:
Где Тагир, там Зухра — воплощенье мечты.
Не войти ли и нам в этот список великий,
Где с Туфаном-абый сочеталась бы Ты?

16

Заколышутся травы садов и полей,
И, раздевшись, красавицы станут милей.
Что сказать? Может быть, зелены мои всходят,
Что посеял я осенью щедрой своей.

17

Уходи от меня, человек дурной,
Не вели тосковать о поре молодой...
Только вымолвил я — и откуда-то юность
Говорит: не спеши расставаться со мной!

18

Не сердись ты, старуха, меня не брани,
От волнений тебя, о Аллах, сохрани —
Пошалить подбивают мои одногодки:
«Молодой ты, Туфан», — уверяют они.

19

«Здравствуй, дедушка!» — девушки мне говорят.
Но мои возражают и мысли, и взгляд,
Будто ржёт молодым жеребиом на конюшне
Время юности, что не вернётся назад.

20

Расскажи, кто соловушку петь научил?
Кто посеял цветы и направил ручьи?
Но о том, что понурыми клячами станут
Жеребцы озорные, — об этом молчи!

21

Волос твой поредел, в нём дыханье зимы,
Чёрных глаз угольки ныне тлеют из тьмы.
Всё прошло, успокойся и сядь наконец-то
На молитвенный коврик и чётки возьми...

22

Было время вчера справедливо, смотри:
Мы гуляли с красавицами до зари.
А зачем же сейчас красота молодая,
Если мы старики? — шут её побери!

23

Помнишь, в снег мы с тобою упали ввоём,
На губах поцелуй таял сладким снежком?
А теперь говорим: это грех, и зачем-то
Нашим внукам пустые советы даём.

24

Оцени, разве я не достоин похвал!
Сам Туфан пред тобой, как солиден он стал!
И тебе, моей Душеньке, хоть и старушке,
О твоей красоте говорить не устал!

25

Посмотри, как глаза у неё хороши,
Так много одарит — хоть пой и пляши,
Ну а нас, восхищённых, она мимоходом,
Словно рыб, на верёвку низает сушить.

26

Губы — вишня и талия хрупко-тонка,
Две чудесные ямки на нежных щеках.
Погоди, я не кончил хвалить, дорогая,
Не спеши раздеваться, люблюсь пока!

27

И зачем же кричать, что не жизнь, а напасть,
Что на весь белый свет ты оскаливал пасть.
Только что наша жизнь в самом деле такое:
Выползаем из щели, чтоб в яму упасть.

28

Нужен муж для жены и для мужа жена,
Для акына толпа восхищённых нужна.
А понять рубаи, что написаны глупым, —
Нужно море безумства и каплю ума.

29

А любовь наша дикой берёзкой росла.
Обнимать, целовать на виду у села
Не могли мы друг друга. Теперь всё иначе,
Но как жаль, слишком поздно свобода пришла.

30

Ты стареешь. Уходят и годы, и слух.
Мёрзнут ноги, когда на дворе жаркий дух.
Это всё ничего, но гораздо страшнее —
Безответно влюбляться во всех молодых.

31

От неожиданного счастья я сделался пьян:
Оказалось с тобой моё место, Лейсан.
Так скажи хоть нарочно — пусть слышат другие:
«Не балуй! Убери свою руку, Туфан!»

32

Разъярился и палку метнул в петуха:
Твоя доля, каналья, совсем не плоха.
Как же можно стерпеть, что невестами ходят
Столько куриц вокруг одного жениха!

33

Ударять по мячу так удобно ногой,
И свистеть, и кричать: «Гол! Давай, дорогой!»
Очень жалко, что думать ногой невозможно,
Что ни скажешь, а думать удобно башкой.

34

Как увижу красу — учащается пульс,
И горячей рукой я за счастьем тянусь.
То за счастьем тянусь, то отдёрну я руку —
Не посыпался б старый песок мой, боюсь.

35

Разговор наш, мадам, обозначить пора:
Бог тебя сотворил из мужского ребра.
Вот его-то как раз мне сейчас не хватает —
Возвращайся на место своё, будь добра!

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

Темь за окошком — светлого ни следа,
Купол небес чернильным пятном отмечен...
На полумесяц робко глядит звезда —
Хрупкое
Одиночество.
Здравствуй, вечер...

Лишь заиграет ветер на проводах,
И от столба рассыплются звёзды-искры.
Как не мечтать о светлых счастливых днях,
Как не поверить, что будущее так близко...

Кажется, мы парим над землёй вдвоём,
Будто шагнули в небо с клубами дыма
За ледяной полуночный окоём,
Где навсегда останемся мы любимы.
Ты не волнуйся, будет светло: прошу
Луч полумесяца путь обозначить Млечный.
Веришь, пока я есть — я тобой дышу,
И до тех пор пребудет он —

Добрый вечер.

Ты мне поведай, если я не чужой,
Всё — от секретов звёзд
И до тайн сердечных!
Хочешь, к моей душе припади душой,
Плачь!
И ни слова больше,

И — добрый вечер!

* * *

Шёл я, забыв про роздых,
но не тропой веселья —
серой тоски-хворобы
узел на шее свит.
Выйду на перекрёсток
и на его качелях
так раскачаюсь, чтобы
ветру рыдать навзрыд.

Сердце тревоги полно,
день ото дня не легче:
вестники новой жизни
«карр!» обещают, «карр!», —
ангелы ли, вороны,
севшие мне на плечи,
в книгу судьбы впишите,
что я ещё не стар.

Только берёт на убыль
тропка в заросшем поле,
будто бы на чужую
я ступил полосу,
в кровь искусавший губы,
узел разъяв на горле,
Господу на межу я
душу свою несу.

В ПАРКЕ

Весенний парк. В зелёной дымке
Я плыл по краешку земли.
Вдруг двое, шествуя в обнимку,
Счастливым смехом обожгли.
И что-то вспыхнуло, как прежде,
Укравав рассеянный покой,
И я закрыл глаза в надежде
Тебя почувствовать рукой.

Моя любимая, не мы ли
Вот так же тесно шли с тобой?
Так почему же только пылью
Рисует ветер облик твой?
Родная, с кем сейчас и где ты,
И вспоминаешь ли меня?
Кружит весенняя планета,
Листвою памяти звеня.

Зелёный парк, и эти двое:
— Люблю..
— Я знаю.
— Вечно знай!
Увы, не нам, не нам с тобою
Смеётся новая весна.

ЛИШЬ НА МГНОВЕНИЕ

Дождь сиротливо плакал, и ты ушла,
Бросив обиду в зеркало впопыхах.
Мне показалось, будто из-за угла
Вышел навстречу мой одинокий страх.

Лишь на мгновение замерли вдруг часы,
Лишь на мгновение город недвижим стал.
Я потерял себя — но дождей косых
Тут же заполнил улицу прежний гвалт.

Вечный свидетель наших с тобой бесед,
Строчек Такташа преданный поводырь,
Дождь уносил бывшего печальный след,
Вот и теперь смывал он твои следы.

Лишь на мгновение сердце моё зашлось,
Колокол тишины не пошевелил.
Лишь на мгновение остановилась ось,
И завертелась со скрипом опять Земля.

Что ж, золотая осень, давай итожь,
Значит, у одиночества шансы есть.
Ты завернулась в плащ и шагнула в дождь,
Я, как забытый зонтик, остался здесь.

Лишь на мгновение ветер твоих ресниц
Вдруг разогнал все тучи в суровом дне:
Видел я, как сияет над бездной лиц
Солнце моё — возвращайся скорей ко мне...

НЕ ХОЧУ ТЕБЯ Я ПОТЕРЯТЬ

Милая, на белые снега
Снизошла ты музыкой чудесной,
И очаровались облака
Этой тихой-тихой белой песней.
Опустилась на моё плечо —
И смычками дрогнули ресницы,
Белой песне бесконечно длиться
Пожелало сердце горячо.

Не хочу тебя я потерять!
Оттого восторженного взгляда
От тебя не в силах оторвать,
Не противься, милая, не надо —
Не хочу тебя я потерять!
Ты пойми, что может так случиться:
Ты уйдёшь — и в снежной веренице
Не смогу тебя я отыскать.

Как легко мелодии парят,
Их полёт сродни полёту перьев:
То ветра на флейтах говорят,
И частит за левым подреберьем.
Из ладоней кипенных снегов
Принял я тебя в свои ладони.
И о самом важном я сегодня —
О любви моей сказать готов:
Не хочу тебя я потерять,
Оттого восторженного взгляда
От тебя не в силах оторвать...

ЯНВАРЬ

Заиндевелое стекло.
Весь мир, похоже, занесло.
Под полы рвётся ветер прытко.

От этих злых истошных вьюг
Не чуешь ног, не чуешь рук,
И нет конца студёным пыткам...

То синь январская, то мгла,
И пешеход щеками розов, —
А я, представьте, жду тепла
От этих яростных морозов...

Несносен холод, ветер груб! —
Слетит с окоченевших губ
И отзовется в окнах треском.

А впереди — такая даль:
Пройти заснеженный февраль
И продолжать мечтать о дерзком.

Маячит снулая фигурка,
От стужи челюсти светло,
И только кожаная куртка
Хранит душевное тепло.

Январь — погода набекрень —
Зачёркивает каждый день,
А я на оттепель надеюсь.

Так индевелое окно
Одной мечтой озарено,
Весенним поцелуем греясь.

Я УХОЖУ

Светлой памяти твоей. Прощай, Раиль!

Я появился в преддверии снежного дня,
Чающий славы, завернутый в звёздную тогу...
А повитуха слезами умыла меня:
«Дитяtko милое, жизнь твоя будет недолгой!»
Я не перечу — на тёмное небо взойду
В свете сатурна по лестнице белой пологой.
Я ухожу — так написано мне на роду.
Вы остаётесь, альхамдулиллах... слава Богу...

Звёздная ночь...
Выключает окошки Тулба,
Вот их, как зёрнышек жизни, осталось немного.
Кто-то бессонную мысль отирает со лба,
Где-то сияют светила морозно и строго.
Только почуют ли звёзды чужую беду?
Или скорбящему сердцу облегчат дорогу?
...Я ухожу — так написано мне на роду.
Вы остаётесь, альхамдулиллах... слава Богу.

* * *

Ниязу

Налей-ка, друже, лёгкою рукою!
Давай испьём приятственное зелье!
Оно течёт — и жизнь течёт рекой,
Лишь поутру — тяжёлое похмелье...

Закрой окно, чтоб шум не проникал,
И в свете фар увидишь рампы отблеск.
Уже вечерний занавес упал,
И Альмандар уже поставил подпись.

Как должно жить, так должно и играть,
Чтобы слышать пламенную коду.
Твоя судьба — игрою покорять,
Моя судьба — стихи дарить народу.

Корить фортуна, право, нет нужды,
Да мы с тобою, друже, и не спорим:
Плохая пьеса — это полбеда,
Гораздо хуже быть плохим актёром.

Давай-ка, друг, поднимем по одной...
(И пусть народ о нас с тобою скажет!)
Прекрасна жизнь! Похмелье — бог с тобой! —
Перенесём — невелика поклажа...

* * *

«Сынок, приедешь?» —
Из родного края
Обрывки слов доносят мне ветра.
Что им ответить?
Матушка родная!
Длинные дороги, долги вечера...

Твоё однажды тронув коромысло,
Подбросит кто-то в вёдра злую весть, —
Не верь молве, гони худые мысли,
А только верь — что я на свете есть.

Осенний день всё прибавляет шагу,
Накинь на плечи старый тёплый плед.
Да кто не знает вечного бродягу? —
Твоей любовью путь его согрет.

Эй, ветер!
Возвратись к седой старухе
И поцелуем слёзы осуши!
Скажи, я жив, а всё иное — слухи,
И что вчера мне предсказали духи
Бессмертие поэтовой души.

ВОЗВРАЩАЯСЬ В КАЗАНЬ

1

В Казань луноликую ветры ведут поезда,
С вокзала ступаю на камень, любовью прогретый.
Вот в утреннем облаке медленно тает звезда
И вновь зажигается — только в груди у поэта.

Дома, будто белые лебеди, мимо плывут,
Готовы взлететь в небеса белокрылые храмы,
Зелёных холмов замечаю весенний уют,
И вспомнится вдруг незначай колыбельная мамы.

Луна засияет алтыном, и цирк вдалеке
Румяным бэлишем покажется, если всмотреться.
И красная башня красавицы Сююмбике
Отчаянно ранит меня в беззащитное сердце.

В Казань луноликую ветры ведут поезда...
Мой город, тебя мастера не напрасно ковали:
Я знаю, вбирает огромный казан навсегда
И мысли, и звёзды, и душу... Отпустит едва ли...

2

Летит над Казанью серебряный мой самолёт,
Турбины гудят, небеса по-весеннему ярки.
Казанское солнце восходит и тихо львѣт,
Внизу убегают за нами проспекты и парки.

Идём на снижение — ах, не задеть бы дома,
Над радиомачтами мчимся — и ноги поджаты.
Белеет кремлёвский шатёр на вершине холма,
А город раскинулся так, что не видно обхвата!

Из давних веков посылает привет Бишбалта —
Он белой голубкой над Козьей летит слободою,
Вдали заводскими дымами заря завита,
И в каждом прохожем я чувствую племя родное.

Парит над Казанью серебряный мой самолёт,
Как стриж легкокрылый, свои озирающий дали...
Я знаю, огромный бурлящий казан заберёт
И мысли, и сердце, и душу... Отпустит едва ли...

3

Рассветной порою встречает Казань теплоход,
Лучи золотые всю Волгу измерить успели.
Громадные краны портовые вышли вперёд,
Радушно кивая и не забывая о деле.

Вчера и сегодня — всё помнит живая река:
И сны берегов, и глухую бурлацкую песню,
Судьбу Татарстана и Булгар делила века,
И не было этой дорожке судьбы и чудесней.

Упругие ветры истории дышат в лицо
И сходят по трапу на утренний мраморный берег.
Джалиль на горе умирает за всех храбрецов —
За тех, кто остался себе до последнего верен.

Рассветной порою встречала Казань теплоход,
И чайки о горе и радости небу кричали...
Я знаю, огромный бурлящий казан заберёт
И мысли, и чаек, и душу... Отпустит едва ли...

4

Иду по Казани пешком — и усталости нет,
Всё по сердцу мне, всё знакомо — и будто бы ново.
Хотелось бы взглядом мне многое запечатлеть,
Но самое важное всё-таки — трепетным словом:

Крылечки домов и бегущие ввысь этажи,
Суровую кладку гранита и ласковость сада,
Всезнающий болгарский камень — в музейной тиши,
И в уличном шуме — лепнину старинных фасадов,

И площадь Свободы в оранжевых гроздьях огня,
И белые своды родного университета,
Чьи стены, наверное, помнят ещё обо мне,
И прячутся годы мои за колоннами где-то...

Храни же как сына меня, дорогая Казань —
Нигде не найду я роднее, надёжнее крова.
Тебе отдаю в золотой беспокойный казан
И мысли, и душу, и сердце, и звёзды, и слово...

ДРУЗЬЯМ

Дикий гусь, от стаи отставший,
На дороге багаж упавший —
Вот что я такое теперь.
Телефон глядит с укоризной,
Половица скрипит капризно,
И замкнулась входная дверь.

Как же долго я вас не видел,
Может, чем-нибудь вас обидел?
Я же с вами всегда шагал,
Строил печи, дома, плотины,
Расчищал родники от тины,
В вашу честь поднимал бокал.

Сколько раз подставлял я плечи,
Сколько вами бывал излечен, —
Не расскажут про то слова...
Всё, что нужно, отдам — берите,
За ошибки меня корите,
Но лишь вами — душа жива...

НЕ СМОТРИ В ЗЕРКАЛА

Распустила со вздохами косы,
Перед зеркалом стоя большим.
Задавать молчаливо вопросы
Ты, родная, ему не спеши.

Разве может бездушная рама
Отразить твой душевный огонь?!
С чистой совестью лжёт амальгама,
Упираясь ладонью в ладонь.

Но секрет красоты постигая,
Поделиться с тобою я рад:
Не смотри в зеркала, дорогая,
Лучше зеркала — любящий взгляд.

Лишь глаза человека напротив
Не солгут — остальное обман.
У тебя — восхитительный профиль,
У тебя — соблазнительный стан!

БЕЗ СЛОВ

Слова не нужны, если скромных ромашек
Однажды протянешь букет —
Дежурное слово бездельницей зряшной
Недолго удержишь в руке.

Слова не нужны — подари мне ромашки,
Весны золотую печать.
Букет из ромашек обоим подскажет,
О чём мы хотим умолчать.

ИЩУ ЧЕГО-ТО

Ищу чего-то, стал я сам не свой,
Не понимаю:
Душа вчера смеялась над собой —
Теперь страдает.

И всё заметнее неровность строк,
И ночь длиннее.
Своих стихов разматывать клубок
Мне всё труднее.

А дни, дождями бурными звеня,
Проходят мимо.
Сбивая с толку, смотрят на меня
Глаза любимой.

УЕДИНЕНЬЕ

Самообмана люлька золотая
Давным-давно баюкает меня.
Уединясь, живу и не страдаю,
Не тороплю ни ночи и ни дня.

Нас только трое, знающих свободу
Вдали от суеты, и в том числе
Луна и солнце — двое с небосвода,
И я один, идущий по земле.

Но солнце лишь полдня за господина,
Луна владычит только до утра,
А я — хозяин каждой половины,
И буду счастлив завтра, как вчера.

Самообмана люлька золотая...
А может быть, не разбирая дней,
Ты раскачалась, просто утешая
Своих несчастных брошенных детей?..

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ

Печаль осенняя в окне —
Листами золотыми.
Вернутся птицы по весне —
И радость вместе с ними.

Когда взимает смерть оброк —
Печаль идёт с родными.
Но народятся дети в срок —
И радость вместе с ними.

Война — печаль. Забыть о том
Хочу, но не сумею.
Весть о победе входит в дом —
И радость вместе с нею.

И уступает трон луна,
Когда восходит солнце.
Поёт, звенит моя струна,
То плачет, то смеётся.

РАНА

Прошедшим душу грея,
Страданием дорожу:
Чем старше, тем мудрее
О ранах я сужу.

Душа болит и плачет,
Но знает всё равно,
Что, раненой, богаче
Ей чувствовать дано.

Смирив крик гортанный,
Переживаю вновь,
И кажется: из раны
Течёт не кровь — любовь.

И остаётся то мне,
Что взять и не унять:
Тебя — простить и помнить
И целый мир — обнять.

ВСЁ ПЛЫВУТ И ПЛЫВУТ ОБЛАКА*...

Всё плывут и плывут облака,
Словно письма плывут над странюю.
Может, весточку издалека
Бросит ливень в окошко родное?
Всё плывут и плывут облака...

Только что ему, ливню, понять,
Не избавит он сердце от груза,
Лишь намочит в дороге меня,
Словно заросли кукурузы.
Только что ему, ливню, понять?

Я бреду по страницам дорог —
Нет длиннее романа на свете!
Сколько пар и лаптей, и сапог
Износил я за странствия эти!
Я бреду по страницам дорог.

Не подсказывай, ливень, прошу,
Что обувка моя обветшала.
Босоногим я в мир прихожу,
И таким же уйти мне пристало.
Не подсказывай, ливень, прошу!

* Перевод стихотворения занял 1-е место в конкурсе, организованном Татарским ПЕН-центром совместно с журналом «Казанский альманах» (2014).

Ведь прощание — не сабантуй,
Где нарядно одетые гости,
Разве важно, во что ты обут? —
Ни к чему красота на погосте.
Ведь прощание — не сабантуй.

Всё плывут и плывут облака,
Донесут их ветра до Казани,
Чтоб дожди обо мне землякам,
Постучавшись в окно, рассказали.
Всё плывут и плывут облака...

* * *

Когда, как из пустыни брошенной,
Жаре несносной нет конца,
Девчата, лакомясь мороженым,
Волнуют юношей сердца.

Ах, эта пылкость сердца вечная
Живой водой во мне течёт!
И холод лакомства беспечного
От страсти не убережёт.
Пломбир играет в свой рожок —
Но слушай музыку сердечную,
Она одна лишь не солжёт.

Жаре несносной нет конца,
А сердце, как ручьи весенние,
Безумно скачет — где спасение?
Похож влюблённый на глупца.

Стоят с мороженым пригожие.
А сердцу хочется любить!
Не остудить его мороженым...
Мороженым — не остудить...

ЧТО ВЕСЬ МИР ГОТОВ ОБНЯТЫ!..

Погляди, как вечер зыбкий
Красит мир, за взмахом взмах,
Как небесная улыбка
Проплывает в облаках...

Разглядела ли, родная,
Ночи бархатную шаль,
По которой вышивает
Месяц синюю печаль?..

А в низине, ты видала,
Как, влекомая в полёт,
Лебедь крыльями вздымала
Серебро озёрных вод?..

Так тебе я рад опять,
Что весь мир готов обнять!..

* * *

В твоих глазах зажѐг закат
Печаль отринутых лучей.
Я поднести тебе так рад
Хотя б глоток души своей.

В глазах оттенка янтаря,
Которых свет глубок-глубок,
Я утону, едва заря
Накинет розовый платок.

Твои глаза — Чулман-река,
И нет бездонней этих глаз.
Пусть кораблями облака
Приводят в будущее нас.

Душа к душе я нанизал —
Так лишь влюблённые глядят...
В твоих глазах — мои глаза,
Ну а в моих...
Конечно же, любимой взгляд.

ГОЛУБАЯ СИРЕНЬ

Цветёт сирень, и дождь идёт,
И тёплый воздух влагу пьёт.
Ты под сиренью голубой
Отыщешь ласковый покой...

Она коснуться поспешит
Твоей израненной души
И, кисти нежные сведя,
Тебя укроет от дождя...

Ты под сиренью голубой,
И ей так радостно с тобой,
Благоухая в волосах,
Она поёт о небесах...

О, эти синие цветы
Так безмятежно держишь ты,
И в сердце вдруг приют нашли
Любовь и радость всей земли.

Букет сиреневый в руках,
И влага счастья на губах.
Уже светло в судьбе твоей,
И бьётся солнце меж ветвей...

ЯТЛ!.*

От любви я лишился разума,
Только сердцем я уцелел.
Подойди, моя ягодка красная, —
ЯТЛ!..

Как бутон ожидает случая,
Так и я для цветка созрел.
Дорогая, я так соскучился —
ЯТЛ!..

Будто камень, разлуку бросим мы,
Путь наш молод, свободен, смел...
И зимой, и весной, и осенью —
ЯТЛ!..

* Я тебя люблю!..

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР

Я в ожиданье нашей встречи,
Покоя сердцу нет и нет.
Лучом на дереве отмечен
Очередной не наш рассвет.

Ты тоже чувствуешь сиротство,
Как водопады, льются дни.
Прошедших суток превосходство
Хоть на минутку обмани.

Считать часы ли бесконечно,
С ума сойти ли веселей,
Но с приближеньем нашей встречи
Бессонней — ночи, дни — светлей.

И нетерпенье всё огромней,
Когда у бездны на краю
Улыбку солнечную вспомню
И нежность лунную твою.

Последний августовский вечер...
Упавший лист в траве шуршит.
Я в ожиданье нашей встречи
Зажгу костёр своей души.

* * *

То недоверчивой, то строгой,
То грустной я тебя найду.
Позволь унять твою тревогу,
Твою беду.

Позволь прильнуть к тебе, родная,
И чуть коснуться лба рукой,
Твои печали прогоняя, —
Дыши легко!

Позволь в тебя ворваться счастьем,
Прекрасной музыкой звеня.
Не услаждай свои напасти —
Люби меня!

Твоя улыбка — вот богатство,
Печаль не стоит ни гроша.
Не нужно с бедами тягаться,
Моя душа.

Чтоб солнце радостью лучилось
В твоём окне, в моём окне,
Любовь моя, чтоб ни случилось,
Прильни ко мне!

* * *

Ах, как сияет небосклон,
Светилом опалён,
Ведь я сто раз в тебя влюблён
И тысячу влюблён!

Смотри в глаза и ворожи —
Не усмирить ручьи.
Ладони лодочкой вложи
В раскрытые мои.

Бежит любви моей поток
Всё шире, горячей.
Несёт кораблик-лепесток
Восторженный ручей.

Минуты счастья заберу,
Что ты мне отдала.
О, как трепещут на ветру
Два лёгоньких крыла.

БОЛДИНО ЖДЁТ ПУШКИНА

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

На горизонте не разглядишь
Скачущих лошадей.
Скрип половиц не нарушит тишь
Жалобю своей.

Он обещал, что приедет вновь.
Дождик примял цветы.
Осень, наряды свои готовь
И обряжай кусты.

Вот облетает уже листва,
Тише и в сердце стук.
Радость когда-то была жива,
Ныне — шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница* хмура,
Капля чернил, как слеза, блестит,
Катится вдоль пера.

Холод разбойничает в леске,
Ранней грозит зимой,
Стонет земля в вековой тоске:
Где же хозяин мой?

* В музее-заповеднике «Болдино» растут плакучая ива, дуб и лиственница, которые помнят Пушкина. Когда Пушкин в первый раз приехал сюда, иве было 50 лет, дубу — 17. Лиственницу поэт посадил сам.

Вверяют страдальицу всем ветрам,
Снегом укроют грудь...
Кто от душевных излечит ран —
Скажет ли кто-нибудь?..

Убрано в доме и чай согрет,
Ужином дышит дом.
Баня готова... Его всё нет.
Сумерки за окном.

Теплится свечка, и будто стон
Слышится: «Бог спаси...»
Разве лишь Болдино нужен он? —
Нужен он всей Руси!..

Может, замешкался средь хлопот
И городских шумов...
Только всё так же усадьба ждёт
Шорох его шагов...

Деревице помнит его слова,
Смех и касанье рук...
Радость когда-то была жива,
Ныне — шуршащий звук.

Ивушка плачет, и дуб грустит,
Лиственница хмура.
Разве никто нам не возвратит
Прожитое вчера?!

Осень идёт по своим следам.
Боже, его всё нет!..
Знаю одно: вопреки годам,
Болдинских окон мерцает нам
Неугасимый свет!

* * *

Как проходят дни твои, скажи,
Что тебе приносят вечера?
Если я в дороге, средь чужих,
По тебе тоска моя остра.

Я иду, безмерно одинок,
Время на мгновения дробя.
Каждый мною сорванный цветок —
Для тебя, родная, для тебя.

В каждом — сокровенные слова,
Дорогая сердцу красота.
Жду тебя, как ливня ждёт листва,
Как стихотворение — листа.

Мыслями уже я у дверей,
Знаю, терпеливо ждёшь меня.
Я б хотел вернуться поскорей
И тебя с сынишкой обнять...

Что тебе приносят вечера,
Как проходят дни твои, скажи?
За порою следует пора,
Крутится клубком и наша жизнь.

В зное ли июньской тишины,
В холоде январского ли дня, —
Дальние дороги не страшны,
Если ожидаешь ты меня.

* * *

Сыну

Сынок играет. Слёз не удержу.
Кого благодарить мне за наследство?
С волнением я в сыне нахожу
Свои черты мальчишеского детства.

От колыбели до текущих дней
Рисует жизнь по чёточке картину, —
И вот улыбку бабушки моей
Прочёл сегодня я во взгляде сына.

У наших душ похожи голоса,
Я слышу их перекликанье снова, —
Тревожат сердце мамыны глаза,
Которые я распознал в сыновних.

Пусть он — неоперившийся птенец,
Но мне через него мой родич ведом:
Глазами сына смотрит мой отец,
Чтоб в одночасье проявиться дедом.

Счастливых мамы с папой тешит взор
Ребёнок — драгоценное творенье.
Как нити заплетаются в узор,
Так и дитя сплетает поколенья.

Цветок души ты, ягодка моя,
Ты — свет очей, и ты — моё сердечко.
Ты — тот, в котором создано семь я,
И ты — росток большого человечка!

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать.
Писать о феврале навзрыд...

Борис Пастернак

Эгей, февраль!
Разбойник, враль,
Собравший строк негусто!
То льдом покроешься, а то
Хоть тут же скидывай пальто —
И объясняйся в чувствах!

Плечи, волна!
Душа полна
Дарами бокогря.
Ты разгоняешь в сердце кровь
Не для того ли, чтоб любовь
Пришла ко мне скорее?

Страницы зря
Календаря,
Я жажду новой встречи!
Душа оттает, как земля,
Быть может, солнце февраля —
Весенних зорь предтеча?

Смогу ли я
Постичь, понять
Таинственные вещи?
Ведь песни в душу льёт курай,
И так внезапно через край
Она порою плещет...

Эгей, февраль!
К весне причаль,
Эпоху вьюг итожа.
И я с волос своих стряхну
Со снегом вместе седину
И стану чуть моложе.

Не плачь, февраль!
Уйми печаль,
Нас многих ждёт сиротство...
Я верю, в честь твоих стихий
Ещё напишутся стихи —
Придёт твоё господство!..

* * *

То ледяной тоской
Окатит, то огнём.
И так вот день-деньской
Дождь каплет за окном.
Не подберу я слов,
В другом, наверно, суть:
Все слёзы облаков
В мою вместились грудь.

Печалью звеня,
Душа болит, болит.
То бросит в жар меня,
То холод опалит.
Вернее, правда в том,
Что в сердце будто лёд
Хрустальным остриём
Тихонечко кольнёт.

С израненной душой,
Не видя красоты,
Стою, опустошён,
Средь вечной мерзлоты...
...Но оттепель близка,
И холод обречён,
Едва в груди вулкан
Задышит горячо.

* * *

Пускай вихрится время на бегу, —
На перекрёсток выйду и в пургу.
Поэзия, судьба моя, юдоль,
Мне за тобою следовать позволь!

Когда весь мир бесчувствием пленён,
Согрет моей любовью будет он.
Поэзия, в краю суровых зим
Я буду верным спутником твоим!

Когда ласкают взор цветы долин,
Когда пронзает сердце птичий клин,
Уверен я, ты скажешь, не тая,
Что счастлива, Поэзия, как я!..

Когда тревожит душу жёлтый лист,
Я светел грустью, помыслами чист...
Ещё дитя я, полное надежда,
Утешь меня, Поэзия, утешь!..

ДУМАЯ О БАБУШКЕ...

Катился, катился клубочек,
Виток за витком убывал, —
И вот уже, вздоха короче,
Он белою ниточкой стал...

Замедлилось, кажется, время,
Притихли следы у ворот.
Лишь белого снега паренье,
Лишь белого пара полёт...

Всё рухнуло, рухнуло... Пусто...
Клубок не покатится вспять...
Лишь белое облако грустно
Пытается землю обнять.

Зачем же так скоро, так скоро
Распутался белый клубок?..
Ложатся на землю узоры,
Уходит земля из-под ног...

Слеза обожжёт и сорвётся,
Чалмой проплывут облака...
Тропинка петляет и вьётся,
Как белая нитка клубка...

КОЛЕСО

Казанскому государственному университету

Промчались рысью времена,
Где был я юным и нелепым
И стойко грыз в твоих стенах
Гранит науки с чёрствым хлебом.

Мне дух студенчества знаком,
Он замечателен без глянца.
Я был доволен кипятком,
Хотя случалось обжигаться.

Среди торжественных колонн,
Где колесом катилась юность,
Сияла жизнь со всех сторон,
Дорога светлая тянулась.

О, колесо счастливых дней —
Оно осталось в прошлом где-то...
Я всё равно не стал умней,
Чем стены университета.

Пусть из богатства твоего
Лишь чемодан достался знаний,
Но драгоценнее всего
Мне целый воз воспоминаний.

Пройду, задумавшись... «Постой!..» —
Окликнут белые колонны...
Здесь были Ленин и Толстой,
И все другие поимённо.

Стоишь, веками убелён,
Мы все — твои единовѣрцы.
И белоснежный строй колонн
Навек впечатается в сердце.

* * *

С чужедальных сторон
Ветер злой налетел,
На берёзоньку он
Будто вожжи надел
И, вонзая в бока
Резвых шпор остриё,
Клонит вправо её,
Клонит влево её.
Против ветра одна,
Оставаясь собой,
Понимает она:
Не поспоришь с судьбой, —
То направо склонись,
То налево склонись...
Облетает листва,
Продолжается жизнь...

* * *

На прошлое смотрю, оборотясь, —
Что видно там, в тумане, еле-еле?..
Вот кто-то ясноглазое дитя
На руки нежно взял из колыбели.

Оборотясь, на прошлое смотрю, —
Я разглядел, как крохотный мальчонка
Качал в ресницах спящую зарю
И лунный луч держал в своей ручонке.

На прошлое смотрю, оборотясь, —
Не в этих ли дворах подростком бегал,
Тепло земли весенней обретя
И свежий хруст нетронутого снега?

Оборотясь, на прошлое смотрю, —
Вот на развилке — юноша постарше..
Я снова нежность рук благодарю,
Которые вослед платком помашут.

На прошлое смотрю, оборотясь, —
Сугробам колыбельные поются..
За пеленою, память бередя,
Осталось что-то — мне не дотянуться...

СЛУШАЯ САЙДАША...

Слушаю мелодии Сайдаша,
И душа уносится в полёт.
В целом свете нет мелодий краше,
Потому их любит мой народ.

Спросите, а где душа народа,
Отвечаю, в музыке его.
Я люблю сайдашевские ноты,
В них — самой природы естество.

То, как снег, мелодия закружит,
То дождём весенним прошумит,
Солнечным добром обезоружит,
Песней птицы в сердце защемит.

Не стареет — это мы всё старше.
Чистыми печальями дыша,
В музыке великого Сайдаша
Светится татарская душа.

Обещанье будущего счастья...
Не сдержат улыбки или слёз...
Став моей неотделимой частью,
Захватила музыка всерьёз...

Вновь он согревает души наши
И стране пророчит долгих лет, —
Солнечного слушаю Сайдаша,
Музыки на свете лучше нет!

* * *

Моя душа бурлит и плещет, как волна,
И голова до края разных дум полна.
Я, превратившийся в ручей, теку во мгле
И объяснить себя пытаюсь на земле.

Каков я, кто я, если жребий предрешён,
Несчастен, жалок или, может быть, смешон?
Я слышу голос неизвестного в пути:
«Тебе не терпится, тогда давай лети!»

Но я ручей, и значит, выпало мне течь,
Переплаывая рокот струй в родную речь.
Одoleвая камни стен, гранит дорог,
Бежит по жизни мой доверчивый поток.

Я не могу душе покоя попросить,
Хотя и близок локоток — не укусить.
Не время ветром вейть, птицею летать,
Но быть ручьём — душе такая благодать.

В какую сторону, куда течёшь, ручей?.. —
Ответа нет, ответ сокрыт на дне очей.

Я МИР ЛЮБОВЬЮ СОГРЕВАЮ!

(Триптих)

1

В холодном сетуя плену
И не найдя заветной тропки,
То к солнцу руки я тяну,
То вовсе к спичечной коробке.

Но отчего же в летний зной
Так зябко сердцу, что дрожу я?
Любовь ли ходит стороной,
Тропу ли выбрал я чужую?

О мир, даруй тепло и свет,
Пролей из рога изобилья!
Ищу тепла —

его всё нет.

Склоняю голову в бессилье.

2

Разбить холодное стекло —
Мой лучший день ещё не прожит!
Я миру сам дарю тепло,
Раз он дарить тепла не может!

Оно растёт в моей душе —
Берите — всё раздать готов я!
Не золотом полните кошель,
А души — светом и любовью!

О человек, в тебе исток
Того, о чём весь мир томится.
Живи, берёзовый листок,
Пылай, души моей страница!

3

Лети, берёзовый листок,
Навстречу тёплым летним зорям.
Быть может, ляжешь ты у ног,
С дождями или ветром споря.

Быть может, к солнцу приведёт
Тебя твой провожатый робкий...
А солнце, знаешь ли, живёт
Совсем не в спичечной коробке.

Ты не исчезнешь, мой листок...
Я это чувствую... Я знаю...
А чтобы ты согреться мог —
Я мир любовью согреваю!

ОСЕНЬ...

Осень...

День русоволосый

в поисках лета, растерян, прозрачен и тих,
листья сыпает в сияньи лучей золотых...

Осень.

Лето

растаяло где-то:

дикие гуси его унесли на крылах,
белые ветры умчали его на конях...

Лето...

Просит

листочек берёзы

ветку родную его удержать на ветру.

Жёлтый цветок осторожно в ладони беру —
осень...

* * *

Что же, милая, привиделось?
Усомнилась, что люблю?
Неужели ты обиделась,
Что стихов тебе не шлю?

Что же грусть твоя безмерная
Тихо льётся по щеке?
Говоришь мне: «Чувство верное
Удержи на поводке»?

Только вряд ли так получится —
Сколько ты ни суетловь.
Будто солнечные лучики,
Освещает нас любовь.

И дождями мимолётными
Проливают наши дни,
На семи ветрах, вольготные,
Развешаются они.

Необъятные, упругие,
Их в руке не удержать,
Но возьму тебя за руки я —
И мне радостно дышать.

Так весною полноводною
Речкой дышат небеса.
Расправляя грудь свободную,
Поднимаю паруса.

* * *

Катящейся каплей дождя по листку в беспечалье ночное
Тебя я люблю...

Порывом июньского ветра, колеблющим лоно речное,
Тебя я люблю...

Отважным лучом, проникающим между ветвями густыми,
Тебя я люблю...

Цветком, одиноко взошедшим в пыли каменистой пустыни,
Тебя я люблю...

ОДНО ТЁПЛОЕ СЛОВО...

Тёплого слова просит душа:
животворящего,
счастьем манящего,
солнцу подобного,
тайной дразнящего.

Тёплого слова просит душа:
Трепетно-нежного,
в ласке безбрежного,
ниве подобного
и безмятежного.

Тёплого слова просит душа:
в небе добытого,
часто забытого,
птице подобного,
к сердцу открытого.

Тёплого слова просит душа:
нужного, южного,
неравнодушного,
ветру подобного,
сазу послушного.

Тёплого слова просит душа:
неугомонного,
светом пронзённого,
чистой любовью
заговорённого.

Тёплого слова просит душа...
Произнесёшь ли?..

КАК ТОЛЬКО ВЫЖИТЬ?

(Думая о Тукае...)

О, одиночество снежного скрипа,
Нет никого, кто открыл бы мне дверь,
И никого, кто услышал бы всхлипы —
Горестный голос потерь.

Но почему я один на дороге?
Гостю не рады в жилище чужом —
Снег леденеющий режет мне ноги
Злым равнодушным ножом.

Сжался от боли, гнетущего горя,
Холод до мозга меня истерзал.
Но не замёрзнет горячее море —
Слёзы сжигают глаза.

Только бы, только дождаться ответа,
Переступить милосердный порог.
Наперекор леденящему ветру
Бьётся в груди огонёк.

Люди, откройте!.. Услышите — один я!
Это о помощи сердце стучит!
Ноги вмерзают в огромную льдину,
Холод сознание дробит!

Двери молчат, и срывается голос
Там, на чугунном, глухом рубеже.
В мире, холодном, как Северный полюс,
Как только выжить душе?

ПОСТМОДЕРН

Душа находит приют, благодаря
Кирпичным углам, панельным блокам.
Поэзия скоростей летит не зря
По асфальтированным дорогам.

Душа выветривается... Ищет страсть
В железных рельсах, бетонных сваях.
Томится муза в тысячный, верно, раз
И ждёт поэзии от трамвая.

Душа похожа на дождь... Её печаль
Струится с крыши, течёт из раны,
Вздымает и точит капля тугой асфальт
И усыпальницу древних ханов.

Мы ищем музыку слов, и наш кумир
От ипподрома до стадиона...
По белому снегу душ ступает мир —
Неисчислимы его колонны.

Душа спешит на камнях себя прочесть,
Готовая со скалы разбиться.
И камнепадом стихи — вот это жёсть —
Попробуй только не вдохновиться!

НОЧЬ БЕЗ ТЕБЯ

Сжимался памяти комок —
Тепло любви твоей сберечь,
Ведь я никак забыть не мог
Ни ласку губ, ни запах плеч.

Под одеялом я ищу
Тепло твоей руки на мне,
Но молча смотрят, как грушу,
Берёзы белые в окне.

И в стопке каждый мой листок
Тобой печалится во мгле.
О, если б кто-нибудь зажжёт
Свечу на сгорбленном столе.

Стихами б время пролилось
На скатерть лунной белизны,
Да только муха — поздний гость —
Ломает почерк тишины.

А летний дождь срывался с крыш
И тёк по белому листку —
Скорей, любимая, услышь
Мою дождливую тоску...

Пусть солнце вычертит дугу
Всем одиночествам назло.
Под одеялом сберегу
Твоё уютное тепло.

КАРИЕ ОЧИ

Карие очи бездонны, как тёмное озеро,
Воды которого тайны сулят.
То, что однажды мы в омут задумчивый бросили,
Всё сохранит антрацитовый взгляд.

Ах, эти жесты и ах, эти взмахи ресницами —
Сколько пытался я их приручить.
Только рождённых прекрасными вольными птицами —
В тесную клетку нельзя заточить.

Взгляды встречаю твои озорные, смешливые,
Это не звёзды танцуют ли в них?
Нет ничего для меня долгожданней, счастливее
Самых счастливых улыбок твоих...

Если же взор потаённой печалью колыхается,
Замкнутой в семь нерушимых оков,
Будто ребёнок, я радуюсь, если отыщется
Ключ золотой к одному из замков.

Очи твои — это неба шальная бездонность,
В море скольжение вольных ладей,
Через сияние звёзд и зари окрылённость —
Гордый полёт лебедей.

СТИХИ ТЕБЕ

Ни одного не пропускает дня
Стихов тебе заветная тетрадка.
Пожалуйста, пойми, что для меня
Ты — самая чудесная загадка.

За взгляд очей твоих молюсь судьбе,
За слово и желание любое.
Я думаю лишь только о тебе
И не могу насытиться тобою.

А обо мне душа твоя таит
Взаимость думы долгими ночами?
Не потому ли так меня томит
Твоё красноречивое молчанье?

Поэму сердца трепетно пишу,
Оно от красоты твоей ослепло.
Я каждый раз безумно восхожу
В костёр любви, сжигающий до пепла.

Родятся вновь стихи, почувствуй их —
Моей груди распахнуто оконце:
Одна луна в нём светит для двоих,
Одно горит для нас обоих солнце.

Ты — яркий свет, звезда души моей,
Тобою я заполнен без остатка.
На всей земле и во Вселенной всей
Ты — самая прекрасная загадка.

* * *

И случилось однажды так: с самых детских дней
Поселилась в душе весна.
И с тех пор ни за что не могу разлучиться с ней,
Хоть и бурями жизнь полна.

А когда на заре я познал тёплый вкус дождей —
Поселилась в душе печаль.
И с тех пор ни за что не могу разлучиться с ней,
Хоть и песнями дышит даль.

И кивали головками синими мне вдогон
Колокольчики на лугу —
С той поры поселился в душе их лилейный звон,
Разлучиться с ним не могу.

И случилась ты — поселилась в душе мечта,
Заплетаются пряди кос.
С тех счастливых пор я с тобой неразлучен стал —
Всею душою к тебе прирос.

КРАСНОЕ ЯБЛОКО

Красное яблоко мне подала,
Будто бы солнце в ладонях.
Затрепетала душа, замерла
Птицею на небосклоне.

Залюбовался я милым лицом —
Яблочком спелым, румяным.
Лето к тебе поднялось на крыльцо,
Гостем стучится желанным.

Вот ты смеёшься, а я всё ловлю
Яблоко взгляда упрямо.
Красное яблочко, помнишь, в раю
Ева дарила Адаму?

Этот огонь и поныне гудит
За приотворенной дверцей.
Видишь, и я достаю из груди
Красное яблоко сердца...

* * *

Когда снежинки замедляют бег
И мы меж них так счастливы с тобою,
Мне кажется, что только белый снег
Нас укрывает ласково любовью.

Мы с ним свои, так пусть летит снежок,
За наше счастье он один в ответе.
А мир жесток и не бережёт
От пересудов, домыслов и сплетен.

* * *

Свет от лица и сиянье от прядей —
Это роса пролилась?
Как же к лицу тебе белое платье —
Может, ты в нём родилась?

Платье невесты — счастливое платье,
Символ твоей чистоты.
В благословенном отцовском объятии
Светишься радостью ты.

Солнце, смеясь, на ланитах играет,
Гладит их нежный атлас.
Не в поднебесье все звёзды сверкают,
А в уголках твоих глаз.

Белое платье — нежнейшее платье,
Чистое, будто бы снег!
Пусть ни за что никаких серых пятен
Платье не знает вовек!

* * *

Милая,
Это тебе я «Люблю!» говорю,
Каждую клеточку боготворю...
Глаз твоих не посмел коснуться губами...

С нами
Первая ночь на двоих в тишине,
Лунное золото там, в вышине,
Самая нежная тайна, трепетный воздух.

Звёзды
Переливаются, небо светло,
Это любовь излучает тепло
Там, на небесах, и мы в её власти.

Счастье
Может казаться порой волшебством,
И на ресницах серебряным сном,
Явью, той, что волной до дна истомила...

Милая,
Это тебе я «Судьба!» говорю,
Каждую клеточку боготворю...
Глаз твоих не посмел коснуться губами...

Пламя
Тотчас накрыло смущеньем тебя,
Даже и я растерялся, любя...
Сколько дней утекло — я стал уже мужем.

Будь же
Вечно моею желанной женой,
Неубывающей полной луной,
Самую первую тайной, тайной последней.

РАННЕЮ ВЕСНОЙ МЕНЯ НАЙТИ...

В золотую осень мы вошли...
Клонится берёза до земли...
Мается душа, бесцветны дни,
В пустоте потеряны они.

Не ищи меня среди пурги,
Не ступало там моей ноги...
Не ищи меня среди снегов —
Снег в руке всплакнёт и был таков...

Под корою почка, посмотри,
До поры пульсирует внутри.
В роще первоцветов сможешь ты
Раннею весной меня найти...

СВЕТЛЫЙ ГОЛОС

Я просыпаюсь. Будто бы поёт,
Звенит моя душа, моя царица.
Она, печальной нежности полна,
Готова в мир предутренний излиться.

Душа взмывает, кружится, парит...
И, может быть, сама от песни тает?
А может быть, как бабочка, она
Меж нот её серебряных летает?

Так хорошо мне... Счастлив чувством я,
Которое в душе нашло гнездовье.
Чем глубже окунаюсь в волшебство,
Тем более пленяюсь я любовью.

И льётся светлый голос так легко,
Знакомый временами несомненно... —
Подобно капле солнечных небес,
Звенит во мне твой голос вдохновенный.

Я ПОДОЖДУ...

Ночь подступила — я не могу уснуть,
Да и тебе, скорее всего, не спится:
Чувствуешь, как тоска, разрывая грудь,
Бьётся во мне, трепещет, как будто птица...

Ты и сама скучаешь наверняка,
Чувствую я, что где-то, за гранью зыбкой —
Ты существуешь рядом, нежна, легка,
И устремляешь в небо свою улыбку...

Вот распустила волосы и ко мне
Взгляд обернула, радостный и влюблённый.
Нет у меня на свете тебя родней,
Замер перед тобою я изумлённо...

Светится счастьем даже твоя тоска —
Так она дорога мне и так отрадна.
В эти минуты нежить тебя, ласкать
Хочется мне безумно и безоглядно...

Ночь подступила — я не могу уснуть,
Да и тебе, скорее всего, не спится.
Только глаза открою и вновь вздохну:
Где же мечта, куда она резво мчится?

...И не догнать летящего вдалёк коня.
Я подожду, закончится время гонок —
В светлую жизнь пускай приведёт меня
Ласковый, с белой звёздочкой жеребёнок.

* * *

Шумит-шумит, не прекращаясь, дождь,
Зелёную листву бросает в дрожь...
А новый век давно пророка ждёт —
Его услышав, к небу вознесёт...
Звучит молитва, и по листьям дрожь,
С небес на землю кровью льётся дождь...

* * *

Синичка с вестью стучит в окно:
«Чего грустишь?» — говорит она.
«Не слышишь, в сердце поёт весна?
Тебя любимая ждёт давно».

Синичка-кроха торопит в путь:
«Ну что ты медлишь, ведь ждёт она», —
И стала комната мне тесна,
И нетерпенье вселилось в грудь.

...К тебе синичкою я лечу,
Пусть так же время вперёд летит.
Цветы рассыплю на всём пути —
Тебя увидеть скорей хочу.

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

Девушка в красной куртке
И в красном же палантине
По городу разъезжает
На ярко-красной машине.

Может, любимого ищет,
А он никак не найдётся?
Может быть, город вечерний
Над нею просто смеётся?

Двигутся автомобили,
Щёлкают красные дверцы...
Красного цвета снежинки
Падают в девичье сердце...

Любовь отыскать непросто —
Кружишь вокруг да около,
Тем более, если смотришь
В тонированные стёкла.

Красные куртка и шарфик....
Но чу! — и вот так бывает —
Наша девушка в красном
Сегодня пешком гуляет.

* * *

Летят года, летят года.
Как будто книжные страницы
Листают ветры вёсен, лет.
Мелькает день, тебе же мнится,
Что ты ступаешь в прежний след.

Идут года, идут года,
Нет времени конца и края.
Сорвётся капля только раз —
За ней летит совсем другая,
Неповторим и день, и час.

Года растут. Бегут года
Безостановочным потоком
И гаснут искрами огня.
Так солнца луч последний, тонкий,
Исчезнет на закате дня.

Летят года, летят года,
Проходит жизнь в мгновенье ока,
Она — лишь видимость одна.
Следы смывая в срок, без срока,
Неумолимо и жестоко
За нами гонится волна.

* * *

Комар, который кровь любимой пил,
Моей, возможно, тоже пригубил?

* * *

Душа — есть бабочка,
а бабочка — душа.
Гостит в цветке,
пока погода хороша...

В ДОЖДЬ

С неба на землю тянутся нити тугие —
Чтобы одни поднялись и спустились другие...

ЛЮБОВЬ

Капля влаги в обители —
Той, где сердце похитили...

* * *

В чёрный квадрат Малевича
Ночь поместила действие...
Так хорошо мечталось мне
Лишь на кровати детства...

ДУМАЯ ОБ ИМЕНЬКОВО

Ошибки нет — скажу как можно проще —
Что солнце, выйдя вечером из рожи,
В Чулман-реке свои лучи полощет!

* * *

Всяк о своём — человечья порода,
Всем наплевать на чужие невзгоды.
Вместе, наверно, лишь лошади пьют
Из водопойной колоды.

ВРЕМЯ

Время — испытание.
Продержусь подольше,
Было бы терпения
Вдесятеро больше.

* * *

Мне за двадцать уже —
Начинаю мужать.
Лишь у мужества так
Поэтична душа.

КИТТИ ИЛИ КЕТТИ

Говорит сердито
Китти: «Уходи ты!
Не расхаживай мне здесь,
С поцелуями не лезь!
Соколом не вейся,
Даже не надейся!»

Говорит с улыбкой
Кетти: «Приходи-ка!
Обними меня скорей,
Поцелуем обогрей!
Я тебе так рада,
Будь со мною рядом!..»

Кетти или Китти... —
Не могу решить я!
То ли та, что так нежна,
То ли та, что холодна.
С кем из этих граций
Всё-таки остаться?

В голове седины,
До сих пор один я...
Минарет стоит, угрюм,
Так и я застыл от дум,
Скоро облысею —
Кто из них милее?!

Сна лишился, дожил,
Аппетита тоже,
Щёки впали и живот —

Я — в плену своих свобод.
Есть другое мнение:
Я — свободный пленник!

Заблудился в поле...
...Ладно, хватит, что ли! —
Те, что мной воспеты —
Китти, Кетти — это
Лишь мечта поэта!

С ЛЁГКИМ ПАРОМ...

Было время, мылись в бане,
С лёгким паром, мужики!..
На морозец выбегали —
В снег нырять, играть в снежки.

Ох, и здорово бывало,
Кровь кипела, как в огне.
От лучащегося жара
Льдины плавилась в окне.

По распаренному телу
Веник шёл туда-сюда.
Печка в бане раскалялась,
Будто бы сковорода.

Очи лезли из орбиты,
В три ручья катился пот.
И мгновением казалось,
Сердце выскочит вот-вот.

Было время, мылись в бане,
Не смущали холода...
А теперь в квартире ванна...
С лёгким душем, господа!

МОНОЛОГ ГАРИФУЛЛЫ

Иди, говорят, работай, брат,
Хорошим денежкам будешь рад...
Оно бы так, но в каком размере? —
Пока не пощупаю, не поверю!

Смотри, говорят, и не морщи лоб,
Теперь цена не пойдёт в галоп.
Оно бы так, да я суеверен —
Пока не пощупаю, не поверю!

Зовут на выборы вновь народ,
Такими устами да пить бы мёд.
Оно хорошо, но и в этой сфере
Пока не пощупаю, не поверю!

Красотка — взгляда не отвернуть,
Какая талия, что за грудь!
Но убедиться бы на примере —
Пока не пощупаю, не поверю!

Проверь хоть ночью, когда все спят! —
Татарин я с головы до пят!
На том стою и стоять намерен —
Пока не пощупаю, не поверю!

НЕ РАССТРАИВАЙ...

Не расстраивай, не дай заплакать —
Я сентиментален и раним.
Огорчаюсь малостию всякой,
Трогаюсь событием любым.

Если заведёшься ты привычно,
Разольётся слёзная река.
По волнам, бродяга горемычный,
Я плыву к печальным берегам.

Не тревожь, не сыпь мне соль на раны —
Ведь наивен и отзывчив я.
Может, это глупо, это странно —
Так душа устроена моя...

...Сколько тяжких слёз ещё пролить мне,
Сколько болью жить чужих сердец...
Выключите кто-нибудь, уймите
Этот телевизор, наконец!

БОГ ЛИ ВСЕМ НАМ СУДИЯ?

Бог ли всем нам судия? —
Кошка — ты, мышонок — я.
Жить иначе не умею,
Чувства бурные тая.

Не судьба ли то моя? —
Хищник — ты, а жертва — я.
Сколько — кто сочтёт — поймала
Ты мышиноного зверья.

Кошка мышку хочет съесть —
Если мал — в укрытье лезь.
У меня добро на сердце,
У тебя, похоже, мечь.

Размышляю, как мудрец:
Ты — тиран, а я — беглец.
Ешь сметану, сливки... Мне же
Дай спасенье, наконец.

...Связаны петля в петлю —
Ты — любима, я — люблю.
Подружись со мною — или
Этот узел разрублю.

* * *

Весенний дождь всё льёт и льёт,
Целуя окна. К травам льнёт,
Гремит на крышах, дует в трубы.
А нам с тобой тепло вдвоём,
Счастливо гнёздышко мы вьём
В дупле раскидистого дуба.

* * *

Когда бы смог — похитил я
Тебя, любимая моя,
Из мира яви в мир поэта.
Тебя окутал бы стихом
И предсказал бы нам вдвоём
Вовеки длящееся лето.

* * *

Стучат часы..
Пускай себе стучат..
Пока горит судьбы моей свеча.
Наступит срок,
И содрогнётся сердце,
В ночи свечным огарочком крича..

ПРЕДСКАЗАНИЕ

На рассвете вздохнёт
Путевая звезда —
И накроет Казань
Роковая вода.

Это будет потоп,
Заклочут снега,
И наполнятся рек
До краёв берега.

Вековечную пыль
Растреможит весна:
«Не бела ты, Казань,
Изнутри ты черна...»

От тяжёлых, от дум
Ты согнулась, Казань.
Ты в горячих слезах
Захлебнулась, Казань.

Но пока твои слёзы —
Тяжёлые льды,
И ни стар, и ни мал
Не представят беды —

Что с рассветом вздохнёт
Путевая звезда —
И накроет Казань
Роковая вода.

Неизбежен потоп,
Неизбывна вина,
И ушедшее время
Припомнится нам.

Из веков донесёт
Ветер важную весть,
Что у нашей Казани
История есть!

Пусть окрашены в белое
Стены кремля, —
Сколько взглядов чужих
Сохранила земля.

И восторженный взгляд,
И завистливый взгляд.
Надвигается, ох,
На Казань дождепад.

О домах, ставших пылью,
Без меры тужу, —
Будет время — о том
Я ещё расскажу...

Но сегодня Казань
Накрывает вода.
Что же будет,
Какая случится беда?

Если с белых камней
Пыль столетий не смыть,
Не придётся ли нам
Славу дедов забыть?

Ты снаружи бела,
Изнутри же черна...
Наших предков мечта
Где-то погребена...

Терпеливость души
Испытает беда:
На рассвете вздохнёт
Путевая звезда —
И накроет Казань
Роковая вода!

* * *

Откуда эта печаль
В душе моего народа,
Чьи песни пронзают даль
И шествуют с нами годы?

Прольётся тоска из глаз,
И песня души коснётся,
Да так, что услышав раз,
За нею любой вернётся.

Ах, песня, печаль моя,
К тебе отыщу лазейку.
Вот девушек вижу я
И юношей в тюбетейках.

Из памяти, из вчера
Они проступают зыбко.
В руках у них саз, домбра,
Тальянка, курай и скрипка.

И ухнет сердечко вниз,
Душа разомкнёт объятия,
Когда зазвучит кубыз
И гусли мотив подхватят.

Те песни верней огня
Разносятся вдаль ветрами.
Тревожат они меня
И днями, и вечерами.

Невысказанной тоской
Хватают они за горло,
Кипящей бегут слезой,
Идти призывая гордо.

Горячие слёзы те,
Пролитые нами в горе,
Во всей своей полноте
Ни в реку вместить, ни в море.

А в песню, подумай ты,
Легко их вместил Всевышний,
В раздольный её мотив,
Когда и слова излишни.

Рыдает душа, поёт,
Как будто уходит в замять...
Лишь песней силён народ,
Ведь в песне сокрыта память.

В мелодиях дорогих —
Все чувства и настроения,
И счастье победы в них,
И горечь от поражения.

Не спрашивай про печаль
В душе моего народа...
Всё так же нас манит даль —
Волнующая свобода!

ПРИВЕДИТЕ КО МНЕ ВОРОНОГО КОНЯ...

(Тюркские мотивы)

Приведите ко мне
Вороного коня,
Я вскочу на него,
Плётка есть у меня.

Я по землям отцов
Пронесу свою грусть,
Тёмным лесом пройду,
По степи пронесусь.

Проплыву я Идель,
Агидель проплыву
И к живому ключу
Припаду наяву.

Горизонт не объять —
Здесь пернатую дичь
И за тысячу вёрст
Могут стрелы настичь.

Разведу я костёр
И вокруг погляжу.
Белой юрте моей
Стать дворцом прикажу.

Зарумянится дичь
На угольях костра,
И Уральским горам
Заиграет домбра:

«Хочешь — вправо гляди,
Хочешь — влево гляди,
Всё равно этих вёрст
Десять тыщ впереди.

День и ночь на коне
По бескрайней стране
Я скачу и скачу...
По кусочкам собрать
Эти земли хочу.

От уральских вершин
До сибирской глуши —
Вслед за солнцем лечу...
И дорожная пыль
Достигает души...»

Кольхнётся луна,
Заиграет курай.
Я от дедов своих
Унаследовал край.

Через горы пройду
И озёрную синь,
Чтоб услышать кубыз
Азиатских пустынь.

И, с веками поспоря,
Границы сотру,
Разделённый пирог
По ломтям собираю.

Мы с татарскою кровью
На свет рождены,
Значит, тюркского племени
Будем сыны.

Приведите ко мне
Вороного коня —
Время тюрков моих,
Слава тюрков моих
Ожидают меня!

ИЛЬДАР-АБЫЙ

*Памяти народного поэта
Ильдара Юзеева*

Опять в груди замирает вздох,
И тяжёк путь без тебя, и плох.
Ушёл, как дымные ввысь клубы,
Ильдар-абый, Ильдар-абый...

На сердце холод и пустота,
Зима слепит белизной листа.
Печально небо несут дубы,
Ильдар-абый, Ильдар-абый...

Не смеет солнце взглянуть в окно,
Осиротело, как я, оно.
Никто не может тебя забыть,
Ильдар-абый, Ильдар-абый...

...Когда же в город придёт весна,
Капелью плакать начнёт она,
Как будто вторя словам мольбы:
«Ильдар-абый, Ильдар-абый...»

Шуршат, как листья, летят года,
А ты стоишь предо мной всегда,
Как Кул Гали, посреди судьбы,
Ильдар-абый, Ильдар-абый...

ТУФАНЫ

*Памяти Хасана Туфана
и Туфана Миннуллина*

Мы говорим, туфан* приходит,
Когда случается потоп.
Туфанов нашего народа
Я сердцем чувствую взхлёб!

И лиры трепетная птица,
И сцены мудрый исполин, —
Двумя Туфанами гордится
Какой ещё народ один?

Лишь у татар есть два Туфана —
На зависть нациям другим!..
«Их общим солнцем осиянна
Душа народа», — говорим.

И наполняемся любовью,
Взгляд устремляя в небеса
И в безграничье голубое
Слова молитвы вознеся...

А жизнь — что путь под облаками —
Их гонят солнце и ветра —
Шумит могучими дубами
И тлеет искоркой костра.

* *Туфан* (татар.) — всемирный потоп, наводнение, ураган.

Грядут тифаны-ураганы,
Как обновленья торжество.
В платочке белом — двух Тифанов
Ношу у сердца своего.

Татарской сцены великаны,
Родной поэзии оплот, —
Придут ли новые Тифаны?
Судьба подсказку нам даёт:
«Татары есть — придут Тифаны,
Тифаны с нами — жив народ!..»

ОДА ТАТАРСКОЙ МЕЛОДИИ

Я — стихия напевная,
Твою ночь стерегущая.
Я — печаль задушевная,
В каждом сердце живущая.

Я — твой дар, полыхающий
Под небесными высями.
Я — скакун, выручающий
От огня и от виселиц.

Я — печаль твоя светлая
И душа твоя зоркая.
Я — надежда заветная
И судьба твоя горькая.

* * *

Поезд мчится
В Москву-столицу...
Замедляет ли время ход?
Надо мною луны ли, солнца
Неприкаянный шар плывёт?

Там, в Казани, сжимают крики
Горла улиц и площадей.
Самолёт, из Москвы летевший,
Над Казанью упал моей...

И взорвался. Глотаю слёзы,
А колёса стучат, стучат.
Развернуть бы обратно поезд,
Повернуть бы часы назад.

Как же странно трястись в дороге —
Там, в Казани, стряслась беда...
Не вернуться они живыми
Никогда уже, никогда...

Подаяние дам старушке,
Пусть молитву о них прочтёт.
Осветить бы лучом, как душу,
Мглой укутанный небосвод.

Поезд мчится
В Москву-столицу...

Жеребёнком ли сердце скачет
И покоя мне не даёт?
Солнце в небе, луна ли плачет?
Замедляет ли время ход?

* * *

Душа и кровь татарских матерей,
Сердца и слёзы бабушек татарских,
Вместить ли вам всех выпавших скорбей? —
Ведь жизнь и боль идут в единой связке.

Когда б не долг, что юношей позвал
Забыть о многом, но не об Отчизне...
На поле боя твой любимый пал,
К чему теперь мечтать о лучшей жизни?

И ты, другая, плачь, кори судьбу
За то, что нет жесточе и нелепей.
Прими сыночка в цинковом гробу
И новых дней развеи по ветру пепел...

О детях, не успевших повзрослеть,
О тех, кто не вернулся с поля битвы,
Мне остаётся только лишь скорбеть.
А матерям выплакивать молитвы?

Нет, невозможно прошлое унять,
Оно кричит младенцем из пелёнок!
Из полуснов к тебе идёт дитя,
А рядом с ним шагает жеребёнок.

Сердца и кровь татарских матерей,
Душа и слёзы бабушек татарских...
Не осушить солёных тех морей,
Не залечить те раны даже лаской.

Молиться за усопших — ваш удел,
И вспоминать, и верить, и не верить.
О, как бы я вернуть для вас хотел
Те дни, когда стучалось счастье в двери!

ДУБЫ... ДУБЫ...

(Из «Германской тетради»)

Голов не клонят, выступают твёрдо
Высокие германские дубы.
Похоже, эта сила, эта гордость —
Достойное приятие судьбы?

Дубы, дубы — на каждом перекрёстке,
На всём пути, за домом, на углу.
За шумом их я слышу отголоски
Побед, ушедших в вековую мглу.

Не скованы оглоблями, цепями
И мнимой свободой вожжей.
Обняли мир могучими ветвями
И смотрят в душу с мудростью вождей.

И грусти нет, как нет и беспокойства,
И горевать причины тоже нет.
Уверенность в себе — вот это свойство
Присуще им, как немцам, с детских лет.

Растут свободно, дышат ненамужно, —
Ведь у деревьев всё, как у людей.
И каждый лист протягивает дружно
По десять, по пятнадцать желудей.

Им не страшны земные наши бури —
Сияньем облаков окружены.
Стоят, молчат, головушки понурив,
Дубы моей измученной страны.

В ГЕРМАНИИ...

(Из «Германской тетради»)

Другая страна,
Всё иное, всё ново.
На улицу выйди,
Окликни любого:

— Простите?
И каждый
Помочь вам стремится.
Простые улыбки,
Хорошие лица.

Никто не стоит
Над душою твоей,
Не ловит на слове,
Не гонит взашей.

Они деловиты
И благопристойны.
И, кажется, счастливы все
И спокойны.

Лелеют сады,
Не считают минуты,
О завтрашнем дне
Не тревожатся будто.

Не ждут миллионов —
А мы-то, а мы-то...
(Что толку — корыто
Всё так же разбито).

Везде чистота
И порядок такой...
Окликни:
— Простите?
Поможет любой.

И всё по уму,
Но в любимой Отчизне
Охота пожить
Человеческой жизнью.

НЕЛОВКО!

(Из «Германской тетради»)

Здесь осень так похожа на лето —
Неловко смотреть ей вслед.
Привычной осени — серой, бледной —
Как будто в помине нет.

В Казани, слышу, опять дождливо,
И первого снега ждут.
А тут листва и цветы счастливо
По лету тебя ведут.

Ещё соловьиному рады пенью
На этом конце земли.
У нас не от крика ль ворон осенних
Морщины на лоб легли?

Дождём этот дождь называть негоже —
Где ветра шальная прыть?!
И так на песню осень похожа —
Неловко и говорить!

* * *

До нас на земле жили
И будут другие жить.
Старея и молодея,
Продолжит земля кружить.

Те сосны*, которым Пушкин
Поэмы свои читал,
К земле наклонили кроны:
Столетия — срок не мал.

Леса умирают, реки,
И кажется, нам в укор
Вот-вот содрогнутся звёзды
От вздоха Уральских гор.

Да, вечного нет на свете —
Всё временем сметено.
Тогда почему при солнце
Грядущее так темно?

Выбрасываем на свалку
Прошедшее — пыль веков.
О выгоде лишь печёмся
И свой бережём лишь кров.

Зачем же сжигаем, рушим
Родимые рубежи?
До нас на земле жили
И будут другие жить!

* Сосновая аллея в имении Пушкиных — в Михайловском.

ПРОСЫПАЙТЕСЬ, ТАТАРЫ!..

Просыпайтесь, татары! Родные мои,
просыпайтесь!

Чтобы предки за вас не краснели,
с колен поднимайтесь!

Далеко за пределы мирка своего
посмотрите,

Высоко, словно гордое знамя,
татарство несите!

Что же вы на постели своей
беспробудно лежите!

Поднимитесь и узел на шее
скорей развяжите.

Сбросьте цепи с народа,
безволия злые оковы,

Поглядите, как сердце моё
разорваться готово.

Не годится молчать терпеливо,
поникнув главами.

Предрассветные алые зори
встают перед вами.

Величайших, прославленных дел
разожгите пожары,

чтобы с гордостью люди воскликнули:
«Это — татары!»

Ведь известно, что всякий народ
неизбежно погибнет,

если знамя своё дорогое
с земли не поднимет.
Отворите окно и на славное дело
решайтесь.
Просыпайтесь, татары! Родные мои,
просыпайтесь!

ПАРИТЬ ВЕТРАМ И ВОДАМ ТЕЧЬ...

Парить ветрам и водам течь...
Всему живому прахом лечь.
Так сквозь века и сквозь пожар
В небытие ушёл Биляр.

Тень минарета гордого —
Над городищем Чёртовым.
Ашлы, Кашан — гора песка,
Одна Казань стоит века.

Где Болгар — смыт ли водами,
Разрушен ли народами?
Подземные чудовища
Хранят ли те сокровища?

Ни золота, ни серебра —
Течёт вода, парят ветра.
Я книги десяти веков
По пальцам перечесть готов.

Кто был торговец, кто мулла,
Куда звезда тебя вела,
Кто предком Кул Гали зовёт? —
Ответь, уснувший мой народ!

Кто внук Гирея, расскажи?
У временной стою межи,
Где обрываются следы
Потомков Золотой Орды.

И снова слышу над землёй
Я чей-то плач и чей-то вой:
«Парить ветрам и водам течь...
Всему живому прахом лечь...»

* * *

Сожги печаль, тревожа клавиши,
И пой в огне своей тоски!
Сердечко, ты слезами плависься
Ирываешься в куски...

В больной строке, из уст оброченной,
Звучи, тоска моя, зови.
В твоих глубинах похоронена
Одна история любви.

Играй, плечи, и пусть качается
Несчастье лодочкой в груди.
Ведь жизнь на этом не кончается,
И что-то будет впереди!

Играй, когда всё подытожено,
Устанешь петь — давай, танцуй...
И боль, на музыку помножена,
Скользнет улыбкой по лицу.

СОДЕРЖАНИЕ

Между этими берегами

Волга, Вятка, Ока и Кама...	4
Небушко	6
Дорога в Казань	7
«На шагу и скамейки дороги дробя...»	8
И сорок ступенек туда...	9
«Мелькнула фигурка в зелёном...»	10
Сиреневый снег	11
«В чайном доме отведав чая...»	12
Март	13
Шмель	14
Казань майская	15
Журавлик	16
Лядской сад	17
Раифа	18
Храм всех религий	19
В парке «Чёрное озеро»	20
И лёгкой поступью меж нами...	21
Дышу Казанью	22
Казань — Тольятти	23
Молодецкий курган	24
Сызрань	25
«Мне снилось: над степью и Волгой...»	26
Улица Комзина в Тольятти	27
На триста десятом — в Зелёную зону...	30
Автоград	31
Таблички синие причудливо мешая	32
Елабуга	34
Песни марийских озёр	36

Йошкар-Ола	38
Нежному Нижнему — из Казани	39
Прибалтика	40

Чары жемчужных лун

Декабрьский блюз	44
Мимозное	45
Парижанка	46
Fantasia чистой воды	47
Синяя птица	48
«Упало пёрышко в траву...»	49
Все автобусы — братья	50
Галка	51
Танцевали румбу ракушки	52
У полднейной реки	53
Элизабет Браунинг. Как я люблю тебя?	54
Чары жемчужных лун	55
Виноградная лоза	56
Синичка	57
И радуюсь о тебе	58
Эпикуреец	59
Суламифь	60
Если кровь твоя — керосин...	61
«Белые, красные, золотые...»	62
Имя розы	63
«Не пеняй, заря...»	64
Зеленежность	65
Есенинское	66
Сверчок	67
Ночная молитва	68
Бабье лето	69
Сентябрины	70
«По кленово-огненному следу...»	71
Акупунктура дождя	72
Осенняя флейта в разрезе	73

Сохранить как черновик	74
«Читаю капли на стекле...»	75
Я была любима	76
«Слово, соловушко, соловей...»	77
И тебя не услышит Бетховен...	78
Поэзомерика	79
На отмели времён	80
Обсерватория	81
Дойдя до точки невозврата	82

Лови ускользящий полдень

Настоящее прошлое	84
«Когда апрель-гулёна...»	85
Папе	86
Снег бегущей строкой	87
Где-то на озере Ханка	88
Горлица	91
Детские часики	92
Февраль	93
И некто во фраке грачѐв	94
Полдень	95
Летние картинки	96
Жара	96
На даче	96
Варенье	97
Суперлуние	98
«Пожалуй, он и был стилиага...»	99
Шень	100
Шекспиру	101
Гавриил Державин	102
Дирижѐр	103
Имена	104
В зените	105
Сон	106
На краю	107

Пять минут и вся жизнь	108
Блаженная	109
«Звучала песнь...»	110
Рождество	111
«Был человек — и нет...»	112
Ломбард	114
Не считая этажи	115
Горошина	116
Дворцы городов	117
Дедушка мой Булатов	118

Поэтические переводы с татарского

Рамазан Байтимеров

Родная деревня	120
Грусть	121
Не зря мы жили на земле	122
Родной язык	123
Годы-годы	124
Невозможно	125
Осенняя песня	126
Память сердца	127
Песня родника	128
Берёзовый сок	129
Зимняя серенада	130
«Случайным словом, павшим с губ...»	131
«Тружусь, тружусь... О юбилее...»	132
«— Почему ты, гармонь, приуныла...»	133
«— Сад песен! Непостигнутый, послушай...»	134
«Вон желторотик упал из гнезда...»	135

Эльс Гаделев

Желание	136
Слово — шёлк	136
Затяжной дождь	137
Наследие	138

Июньский соловей	139
Impressia	140
Интервью с Чингизом Айтматовым	141
Камень мудрости Хикмат	142
Белый медведь	143

Наби Даули

Имя дочери	144
Ручей	146
Моя деревня	147
Убеди	148
Где же ты была?	149
Из дневника памяти	150
Кружка воды	150
Фотография	151
Побег	152
Время наших надежд	153
Вдали от Родины	154
Письмо любимой	155
Судьба	156
Наша весна	157

Фирдус Девбаш

Правда	158
Лиса и петух	159

Фатых Карим

Клятва	162
--------------	-----

Лябиб Лерон

Зарождение	163
Опустошён... ..	164
Цветная осень	165
Последняя ночь года	166
Промокшая любовь	167

Потрясение	168
Дни в узелках	169
Что судьбой назначено... ..	170
Я выхожу на свет... ..	171
Птицы, парящие в небе	172
Одуванчики	173
Два одиночества	174
Все рассветы и все вечера	175
Искушение	176
Серьга	177
Кошка	177
Если возможно... ..	178
Как мне стать огнём?	179
Свечи	180
Талые воды	181
«Струится сумрак голубой...»	182
Девушка Зухра	183
Рубаи — листок за листком	184
Посередине жизни я стою	186
Ночью на берегу	187
Пёрышки трепещут... ..	188
Платье, говоришь... ..	189
Будучи влюблённым... ..	190
Ах, барышня... ..	191
Переселение души	192
На траве растелил я рубашку	193
Зрелище	194
Детство	195
Красота	195
Весна, говорите... ..	196
Ни пером описать	197
День. Ночь. Явь	198
Глядя на Кавказские горы	199
Вечный зов	200
Одиночество	201

Я — стихия	202
Предчувствие	204
Сын Бахтияр	205
Благодарение	206
Бессонница	207
И ты люби меня	208
А она всего лишь навсего травинка... ..	210
Кара Шэм — Чёрная Свеча	211
Возвращение к Чехову, или Скрипка Ротшильда	212
Бездарность	214
Верный друг	216
Поэзия	217

Туфан Миннуллин

Рубаи	218
-------------	-----

Рузаль Мухаметшин

Добрый вечер	225
«Шёл я, забыв про роздых...»	226
В парке	227
Лишь на мгновение	228
Не хочу тебя я потерять	229
Январь	230
Я ухожу	231
«Налей-ка, друже, лёгкою рукою!»	232
«Сынок, приедешь?..»	233

Гарай Рахим

Возвращаясь в Казань	234
Друзьям	237
Не смотри в зеркала	238
Без слов	239
Ищу чего-то	240
Уединенье	241

Печаль и радость	242
Рана	243

Хасан Туфан

Всё плывут и плывут облака...	244
-------------------------------	-----

Ленар Шаех

«Когда, как из пустыни брошенной...»	246
Что весь мир готов обнять!	247
«В твоих глазах зажёт закат...»	248
Голубая сирень	249
ЯТЛ!	250
Последний августовский вечер	251
«То недоверчивой, то строгой...»	252
«Ах, как сияет небосклон...»	253
Болдино ждёт Пушкина	254
«Как проходят дни твои, скажи...»	256
«Сынок играет. Слёз не удержу...»	257
Февраль	258
«То ледяной тоской...»	260
«Пускай вихрится время на бегу...»	261
Думая о бабушке...	262
Колесо	263
«С чужедальных сторон...»	264
«На прошлое смотрю, оборотюсь...»	265
Слушая Сайдаша...	266
«Моя душа бурлит и плещет, как волна...»	267
Я мир любовью согреваю!	268
Осень...	270
«Что же, милая, привиделось?...»	271
«Катящейся каплей дождя...»	272
Одно тёплое слово...	273
Как только выжить?	274
Постмодерн	275
Ночь без тебя	276

Карие очи	277
Стихи тебе	278
«И случилось однажды так...»	279
Красное яблоко	280
«Когда снежинки замедляют бег...»	281
«Свет от лица и сиянье от прядей...»	282
«Милая...»	283
Раннею весной меня найди...	284
Светлый голос	285
Я подожду...	286
«Шумит-шумит, не прекращаясь, дождь...»	287
«Синичка с вестью стучит в окно...»	288
Девушка в красном	289
«Летят года, летят года...»	290
«Комар, который кровь любимой пил...»	291
«Душа — есть бабочка...»	291
В дождь	291
Любовь	292
«В чёрный квадрат Малевича...»	292
Думая об Именьково	292
«Всяк о своём — человечья порода...»	293
Время	293
«Мне за двадцать уже...»	293
Китти или Кетти	294
С лёгким паром...	296
Монолог Гарифуллы	297
Не расстраивай...	298
Бог ли всем нам судия?	299
«Весенний дождь всё льёт и льёт...»	300
«Когда бы смог — похитил я...»	300
«Стучат часы...»	300
Предсказание	301
«Откуда эта печаль...»	304
Приведите ко мне вороного коня...	306
Ильдар-абый	309

Туфаны	310
Ода татарской мелодии	312
«Поезд мчится...»	313
«Душа и кровь татарских матерей...»	314
Дубы... дубы...	315
В Германии...	316
Неловко!	318
«До нас на земле жили...»	319
Просыпайтесь, татары!..	320
Парить ветрам и водам течь...	322
«Сожги печаль, тревожа клавиши...»	324

Литературно-художественное издание

Булатова Галина Ивановна

СИЛЬНЕЕ МЕНЯ

Казань. Татарское книжное издательство. 2017

Редактор *А. Р. Шайдуллина*

Художник и художественный редактор *Р. Х. Хасаншин*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *С. Н. Нуриевой*

Корректор *А. Р. Миннуллина*

*В оформлении книги использованы картины казанского художника
Наиля Галимова «Зимний день», «Национальная библиотека» и др.*

Знак информационной продукции согласно
ФЗ от 29.12.2010 г. N 436—ФЗ

Оригинал-макет подписан в печать 9.01.2017.

Формат 70×108 1/32. Усл. печ. л. 14,7. Тираж 2000 экз. Заказ

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.
Казань, ул. Баумана, 29/11. Тел.: (843) 292-03-18.
Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>